

Светлана Гусева

СКАЗОЧНИЦА

Светлана Гусева

Сказочница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29803014

ISBN 9785449040756

Аннотация

Представьте, что написанное вами – реально. Интересно? Страшно? Недостаточно страшно. Главная героиня Лара мечтает о прежней жизни – до исчезновения мужа, до неприятностей на работе, и главное – до того, как стала сочинять сказки, чьи герои оживают помимо ее воли. Пытаясь вернуть все «как было», она привлекает внимание тех, кто жаждет уничтожить ее дар, и тех, для кого в ней – последняя надежда на чудо. Ведь именно от ее выбора будет зависеть судьба всего магического Петербурга.

Содержание

Глава 1. Трудности в профессиональной сфере	5
Глава 2. Брелок на память	17
Глава 3. Маэстро	27
Глава 4. Охотничий замок	35
Глава 5. Профессор Лодин	43
Глава 6. Крот	56
Глава 7. Обманщица	64
Глава 8. Мастер Артели чудотворцев	72
Глава 9. Дома у Крота	80
Глава 10. Дом по Гороховой улице	90
Глава 11. Начало охоты	99
Глава 12. Инженерный замок	107
Глава 13. Ключ от мансарды	115
Глава 14. В розыске	127
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Сказочница

Светлана Гусева

Дизайнер обложки Юлия Храмова

© Светлана Гусева, 2019

© Юлия Храмова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-4075-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Трудности в профессиональной сфере

Грузный седовласый мужчина угрюмо оглядывал кабинет с потемневшей репродукции. В глазах классика отчетливо читались недовольство и разочарование.

Оставляя на полях едва заметные точки, Лара подсчитывала ошибки:

«...Базаров относится к Аркадию как к ребенку, ласково называя его „слюнтяем“. В одежде Базаров очень прост, в отличие от Павла Петровича, который много возится с туалетом. Попадая в бархатные лапки таких женщин, как Одинцова, Базаров не забыл о своем нигелизме. Роман Тургенева шевелит ум...»

Сочинение Груздева погружало ум в кататонию. Лара подняла голову, избегая смотреть на портрет Ивана Сергеевича. За литературу после «бархатных лапок» больше тройки не светило, и лишь оценка за русский еще балансировала на грани между двойкой и двойкой с плюсом.

Гороскоп на день предрекал трудности в профессиональной сфере, и стопка непроверенных работ вполне соответствовала прогнозу. Заметив сверху чистый лист с единственной строчкой и размашистой подписью, Лара не сдержала улыбки – даже несмотря на принципы, ученики восьмого

«А» оставались ее любимчиками.

Она с трудом вернулась к работе; строки, исчерканные красным, расплывались перед глазами. Если верить новостям, в Европе скоро станут печатать только на вторичной бумаге – чтобы сохранить исчезающие леса и их обитателей, постепенно приучая читателей к цифровым форматам. Хотя в подлинную заботу бюрократов о природе верилось с трудом.

Задумчиво перекатывая ручку между пальцев, Лара представила, как дикие звери выходят на открытое пространство, ведомые страхом и ненавистью к тем, кто лишил их дома.

Очень грустный медведь по прозвищу Шкапик отважно пробирался через джунгли. Огромные тропические растения уступали ему дорогу, немедленно смыкая широкие листья за его спиной. Медведь с разбегу вывалился к излучине желтой реки Сикоко и тут же увидел загадочного друга – крокодила Буню. Звери, пришедшие на водопой, старались держаться от него подальше.

– Буня! Буня, ты не спишь?! Просыпайся! – рванулся медведь к другу, распугав стадо грациозных антилоп.

– Это ты, Шкапик? – крокодил приоткрыл сначала один глаз, чтобы проверить догадку; только убедившись в своей правоте, он соизволил открыть и второй. – Шкапик, ты рычишь, словно тебя укусила муха-цеце, а сейчас еще не сезон.

– Буня, все гораздо страшнее! – медведь плюхнулся на песок. – Скоро случится большое несчастье.

Крокодил заинтересованно моргнул и на всякий случай заполз в воду по самые уши.

– Сегодня мне рассказали...

– Кто? – Буня не признавал пустых сплетен, тем более анонимных.

– Да наша птица-секретарь, Заноза, ты же ее знаешь! – отмахнулся медведь. – Так вот, Заноза по большому секрету рассказала, что скоро все наши джунгли исчезнут! Понимаешь, Буня? Джунгли исчезнут и нам станет негде жить!

Шкапик чуть не плакал от расстройства.

– Я ничего не понял, – капризно зевнул Буня. – Леса не могут исчезнуть просто так. Деревья живут долго-долго, дольше нас с тобой, это мне точно известно.

– Их вырубят, Буня. Люди вырубят леса, и нам придется уходить отсюда.

Крокодил лягнул зубами и помолчал немного.

– Люди сюда не ходят, – проговорил он неуверенно. – Тут опасно, тут живу я и могу их съесть. Они...

Страница кончилась, и Лара перевернула лист, чтобы продолжить.

«Базаров – человек высокого роста...»

Что?

Она крутила лист в руках, не понимая, как такое могло случиться. Ну вот же, с одной стороны – работа Груздева, двадцать восемь синтаксических ошибок и миллион пункту-

ационных, «бархатные лапки» и «слюняй» Аркадий. И сам листок явно не первой свежести. Что она наделала?!

Крак! Сломанный колпачок от ручки приземлился на пол и укатился под раковину.

Придется сказать Груздеву, что работа потерялась. Только где и как? Завуч уже год как запретила выносить задания из школы; кто хотел – мог сидеть в учительской хоть до полуночи или приходить в выходные. Физик Борис Михайлович тогда бурно протестовал и прятал тетради в недрах огромного кожаного портфеля, пока на одной из контрольных не оказалось пятно от кетчупа. Слухи, когда не надо, разносятся слишком быстро. Борис Михайлович даже заболел с расстройством и неделю не появлялся в школе.

Сказать, что случайно сожгла? Но она не курит. Залила чаем? Еще хуже – завучиха запретит еду в классах. И позору не оберешься. Лара оглядела работу критически – интересно, получится скопировать почерк слово в слово? Когда-то она умела писать, как кура лапой, но Груздеву до куры далеко: по три слова на строке, размашистые, упавшие, налезавшие друг на друга буквы. Не кура, а настоящий медведь.

Медведь?

Лара в панике обернулась. Ей почудилось, или на самом деле за спиной послышалось приглушенное рычание? В окно задувал теплый майский ветер, разнося приторный запах отцветающей черемухи. Но откуда этот легкий пряный флер тропической листвы? Лара затравленно оглядела пу-

стой кабинет – со стен на нее с укором косились пожелтевшие от времени портреты классиков.

Если нельзя угадать, откуда они появятся, то можно попытаться предотвратить. Пара мгновений – и от работы Груздева осталась только груда обрывков, которые Лара тщательно ссыпала в мусорную корзину.

Вот так.

Этого больше не должно произойти. Никогда. Сколько раз она уже давала себе слово? Надо что-то придумать, даже если рука сама тянется к бумаге. Ведь ничего не предвещало – она сидела над несчастным Груздевым, считала ошибки...

Что за проклятие с этими сказками!

Дурацкий день. Боль тяжелым обручем сдавила голову. Все из-за работы Груздева с «бархатными лапками» и нигилизмом. Лара в очередной раз подивилась тому, как странно составлена школьная программа. «Война и мир», «Преступление и наказание» – что до них объятому гормонами организму? Вот и ее сказки никому не нужны, никакая это не терапия и не эскапизм. Если бы только она могла перестать их сочинять!

В какой момент рождалась первая строчка? Каждый раз – неожиданно, каждый раз – словно исподтишка, словно давно таилась где-то поблизости, выжидая удобного случая. Под руку попадал всякий мусор: если повезет – листок из блокнота, иногда – газетные обрывки, оберточная бумага, однажды – рулон бумажных полотенец. Рука торопливо выводила

одно предложение за другим, не оставляя ни секунды на размышления: сюжет готов, герои – вот они, только помани – и тут как тут.

И «тут как тут» следовало понимать буквально.

Месяц назад, придя домой, она обнаружила Шушу – в унитазе плавало бесформенное фиолетовое пятно, похожее на размокшую губку для мытья посуды. Приглядевшись, Лара поняла, что перед ней – и отпрянула в ужасе. Шуша жил на острове Пури-кари в далеком Восточном океане, питался ананасами и вредными тараканами, дружил с обезьянкой Тяни-Мани из многодетной семьи и попугаем Лакомкой. Закончив тем утром первую сказку, Лара планировала вечером написать о приключениях Шуши и Лакомки в опасной Апельсиновой бухте.

Это ведь просто сказка, да? И психолог советовала чаще доверять мысли бумаге.

Но как мертвый Шуша оказался в ее унитазе? Галлюцинации? Первые симптомы безумия?

Лара навернула не меньше десяти кругов по маленькой двухкомнатной квартире, прежде чем отважилась нажать кнопку слива. Изорванная на мелкие кусочки история острова Пури-кари отправилась в мусор, который Лара немедленно вынесла на помойку.

Больше никаких глупостей.

Рефлексия не помогла – голова разболелась еще сильнее. Последняя найденная в недрах сумочки таблетка цитрамона

показалась непривычно горькой, а проглотить ее, не запивая, Лара смогла не сразу.

Без сказок она продержалась до конца каникул. Тот день остался в памяти отдельными, несвязанными между собой осколками. Кто-то из родителей принес букет гиацинтов, обернутый в гладкую белую бумагу. С самого утра вместо классного журнала ей мерещился комплект документов, переданный накануне адвокатом. Кое-как дождавшись окончания уроков, Лара заперлась в кабинете и с головой погрузилась в рассказ о доброй ведьме Маризе и ручном аисте Кляксе. Писалось легко, так, что рука едва поспевала за мыслью – когда запястье свело судорогой, обертка от цветов была исписана больше чем наполовину. Довольная собой, Лара поставила точку и разгладила бумагу.

В школе никого не осталось; она сложила вещи, отнесла в учительскую журналы и как раз возвращалась в кабинет, рассеянно кивая в такт гулко цокавшим каблукам. Рекреация на третьем этаже тонула в закатном багрянце; обидя потихла. Часы показывали половину седьмого, когда в боковом тупичке, ведущем в спортзал, мелькнул расшитый звездами фиолетовый плащ. Насыщенный глубокий оттенок – любимое одеяние колдуньи Маризы в сезон цветения гиацинтов.

Чашка в ее руках с силой звякнула о блюде. Невзирая на резкую боль, Лара понеслась обратно в кабинет, разодрала упаковочную бумагу на самые мелкие кусочки, затолкала

в ведро и только тут поняла, что подвернула ногу. Из глаз хлынули слезы, размазывая тушь и дорогие румяна. Макияж исчез, но страх угнездился прочно и с тех пор уже не отпускал ее.

Что все это значило?

Дверная ручка дернулась вниз, потом еще раз, уже настойчивее. Лара спешно потянулась к сумочке за зеркалом и салфетками. Раздался нетерпеливый стук, и она бросилась открывать, едва не споткнувшись о мусорную корзину, на дне которой одиноко покоилась работа Груздева на тему «Основной конфликт в романе Тургенева «Отцы и дети», изорванная и не подлежащая восстановлению. Гороскоп обещал трудности в профессиональной сфере – вот они и наступили.

Можно не выдумывать объяснения для Груздева. Время вышло.

Повернув ключ, Лара отступила на шаг, чтобы не получить по лбу. В кабинет ворвалась завуч Тамара Евгеньевна, известная среди учеников с первого по одиннадцатый класс под прозвищем Томагавк. Маленькие темные глаза напряженно обшаривали окружающее пространство.

– Лариса Аркадьевна, что это такое?

– То... Тамара Евгеньевна, я сейчас все объясню, – пролепетала Лара заготовленную на самый крайний случай фразу и умолкла.

– Вы уж потрудитесь. Почему глаза опять на мокром месте? Это как называется, я вас спрашиваю?

Ах вот она о чем. Час от часу не легче.

В ожидании ответа завучиха повернулась к зеркалу и поправила воротник накрахмаленной блузки. Томагавк признавала только то, что вышло из моды не меньше двадцати лет назад: длинная юбка с высокой талией и бантом на уровне колена, вязаный кардиган и уложенные в кичку волосы, начисто сожженные перекисью в попытке закрасить седину. Образ дополняли очки в якобы черепаховой оправе и остро подпиленные ногти.

Зато под стать характеру, этого не отнять.

– Вы что, язык проглотили? – завуч ткнула в Ларису пальцем. – Я же знаю, чем вы тут занимаетесь после уроков! Дада, что вы потупились? Уходите после семи вечера, я у Федора проверяла по записям. Сколько можно убиваться?

Надо же, гримза даже охранника достала.

– Все в порядке, Тамара Евгеньевна. Даю честное слово!

Лара включила сценарий НППЗ – «Неунывающий Пионер перед Звеньевым» – и шутливо приложила руку к воображаемой пилотке.

Томагавк нахмурилась и на уловку не повелась.

– Каждая вторая женщина на планете через это прошла. Если перестать себя жалеть и собраться – станешь сильнее, понимаете, о чем я? А вы вечера в школе просиживаете, крокодильи слезы в платочек собираете. Стыдно должно быть, Лариса Аркадьевна. Вы какой пример детям подаете? Не стойте как истукан, сядьте уже!

Что за ужасная привычка лезть в чужую жизнь?! Лара села обратно на стул в надежде, что примерное поведение ей зачтется. Она изо всех сил старалась не смотреть в сторону корзины. Но Томагавк, распаяясь, не собиралась трубить отступление.

– Вы же привлекательная молодая женщина, губки накрашены, одежда сидит как надо. Чего еще желать? Мужики сами липнуть должны, а вы по одному-единственному страдаете. Да они же все козлы, вам ли не знать? Чудес, милочка, не бывает, бабника даже кандалами не удержишь. Один уйдет – другой придет, нагадит и уйдет. К следующей дурехе. Так уж заведено.

Она рассмеялась собственной глупой шутке. Гадина, гадина, гадина! Слезы выступили вновь, Лара чувствовала, как наливаются краской щеки и закусил губу. Неужели так нужно резать по-живому, так безжалостно? Никола еще два месяца назад провожал ее на работу, подтрунивал над темами сочинений, заваривал ее любимый каркадэ. А теперь – его нет.

– Все дело в неправильно выставленных приоритетах, – снисходительно улыбнулась Томагавк. – Сделали мужчину центром Вселенной, пуп Земли какой-то – а теперь расплачиваетесь. Подумаешь, развелся! Да это не вы потеряли смысл в жизни, это он упустил шанс, которого больше не будет. Надеюсь, вы ему не звоните?

Лара стиснула зубы. Если б она только могла ему позво-

нить!

– Еще не хватало умолять его вернуться. Чтобы он почувствовал свою силу? А силы-то никакой нет. Все мы на себе тащим, женщины. Ну что вы молчите, Лариса Аркадьевна? Словно воды в рот набрали.

Сама напросилась. Лара медленно поднялась со стула.

– Я не молчу, Тамара Евгеньевна. Просто жду, когда вы оставите мою личную жизнь в покое.

Она уже и не думала вытирать предательские слезы.

– Мне не нужно ваше сочувствие и ваши советы. Вечерами я работаю, а не то что вы подумали. Да, я развелась с мужем, и да, я все еще его люблю, а ваше мнение о мужчинах мне ни капельки не интересно!

Томагавк опешила. Короткая тонкая шея покрылась пятнами, завуч судорожно сжала руки и выпалила непривычно тонким, визгливым голосом:

– Что вы себе позволяете?!

Смена темы – уже достижение. Семейная жизнь Лары перестала ее интересовать.

– Я к вам со всей душой, неблагодарная девчонка, хотела подсказать, поделиться опытом! От всего сердца. Вы же учитель литературы – и такое хамство!

Вот и до профпригодности добрались. Не прошло и полчаса.

– Моя квалификация вам известна, – Лара собрала остатки хладнокровия. – Если вы ставите мои преподавательские

способности под сомнение...

– Да, и поставлю под сомнение! – завучиха отвернулась. – Вы отстранены от занятий до заседания дисциплинарной комиссии. Завтра вас заменит Марьянова. Можете быть свободны и плакаться по поводу своей великой любви сколько влезет. Только не в моей школе!

Хлопнула классная дверь. Лара осталась одна и наконец-то смогла дать волю слезам.

Конфликт отцов и детей, все как по-писаному.

Глава 2. Брелок на память

Через несколько минут она уже брела к метро «Балтийская», старательно обходя разбросанные по тротуару пуговицы. Оптовый склад на углу Дровяной и десятой Красноармейской давно грозили закрыть, но пока что весь путь до Обводного канала стабильно усеивали бракованные белые кругляшки. На другой стороне улицы громоздились шиномастерские и строительные заборы, а венчала унылый пейзаж громада метрологического института. Лара перешагнула через особенно широкую лужу и все-таки наступила на пуговицу.

У поворота на Обводный полгода назад вырыли яму. Ров получился глубокий, со рваными краями, и полностью пересекал тротуар. Через яму перекинули четыре мостка, которые шатались даже под детьми. Задержав дыхание, Лара в три шага оказалась на другой стороне и свернула на набережную.

У метро «Балтийская» толпился народ; она опять «подгадала» прийти одновременно с пригородной электричкой. Одно хорошо – до самой «Гражданки» можно не держаться за поручни: падать все равно некуда. Лара торопливо шла по залитой желтым светом станции – скорее, скорее домой, сразу теплая ванна, стакан чая с капелькой коньяка и в постель. И плевать, что завтра не надо на работу. На все пле-

вать.

Шагнув в квартиру, она врезалась в старую коробку, оставленную на пороге.

Проклятие! Сколько можно наткаться в каждом углу на что-нибудь, принадлежавшее Николаю?!

В первую неделю после визита адвоката, когда внезапно оказалось, что муж не погиб, не потерял память, не лежит в какой-нибудь больнице без документов, она ничего не выбрасывала, скорее наоборот – вытиралась его полотенцем, надевала старый, в пятнах от скипидара халат, спала у стенки, на «его месте». Потом, в приступе злости, выкинула тюбики с кремом для бритья, сами бритвы, треснутую чашку и новую упаковку носков. Долго плакала и клялась больше так не делать.

С получением свидетельства о разводе ярость и злость вернулись с удвоенной силой. Халат, полотенце и даже наволочки постигла печальная участь носков и бритв. В мусоропровод полетели научные журналы, музыкальные диски и огрызки карандашей. Раскаяние после содеянного оказалось сильнее стократ; Лара не пошла на работу и плакала, уткнувшись в зеленую подушку-лягушку – подарок на годовщину встречи. В таком виде ее и застала приехавшая к вечеру мама, отругала и накормила куриным бульоном.

И вот недавно Лара все-таки заставила себя собрать остатки вещей в коробку. Только выбросить никак не получалось – то на урок опаздывала, то задвинула под вешалку и за-

была. Но сегодня – самое время, чтобы наконец-то избавиться от этого хлама и уroda, испортившего ей жизнь. Мало того что бросил без всяких объяснений, так даже в суд не потрудился явиться – прислал какого-то заморыша-адвокатика, чик-чик, «желания сделать еще попытку у моего клиента нет и не будет», «распишитесь, пожалуйста, вот здесь» – и нате вам! Вчера еще замужняя дама, Лара превратилась в разведенку, которая одуревала с тоски и писала всякую чертовщину, всерьез подумывая о месте в психушке!

А все из-за этой гадины, красавца-мужчины, пиявки, мрази, бесконечно любимого и бесконечно далекого одновременно. Лара металась по квартире, на ходу сбрасывая верхнюю одежду. Томагавк хоть и дура, но права – надо уже вычеркнуть Николая из жизни, раз он сам себя благополучно из нее удалил. Нажал «Delete» и даже корзину не почистил за собой.

Гадина, ненавистная гадина!

Лара схватила коробку и как была, в домашних тапочках побежала вниз по лестнице. Пора уже поставить точку – большую и жирную. По щекам текла смешанная с тональным кремом тушь. Как же она его ненавидела! Лара добежала до мусорки и, торжествуя, опустила коробку на дно почти пустого бака. Через пару дней машина увезет проклятое барахло свиньям или куда там девают эту гниль – а вместе с вещами прихватит и ее прошлое, на кой ляд оно теперь, если Николая больше не было рядом.

Не было и никогда не будет.

Лара, уже поднявшись на крыльцо, кинулась обратно и выхватила из мусорного бака первый попавшийся предмет – им оказалась поношенная кожаная куртка, вся в трещинах и потертостях, на груди – карман со сломанной молнией. Слезы текли, пока она ехала в лифте, бережно прижимая спасенную вещь.

Хоть что-то останется на память.

Сбросив испачканные тапочки, Лара прошлепала босиком до городского телефона и набрала номер. В трубке раздались знакомые длинные гудки. Николая так и не появился в своем холостяцком жилище с момента исчезновения; чтобы это выяснить, Лара неделю караулила обшарпанный подъезд до и после работы, став объектом подозрительных взглядов неизменных старушек-лавочниц.

Все-таки мобильный.

Мобильный – средство обоюдоострое. По городскому можно услышать хотя бы «Але, кто говорит?», по сотовому не дождешься и этого. Лара глубоко вдохнула и нажала кнопку вызова. Прошло уже три месяца – нет, два месяца и двадцать пять дней – неужели он все еще ненавидит ее? И, главное – за что?

– Абонент выключен или находится вне зоны действия сигнала.

Вне зоны уже три месяца, утром, вечером, днем и даже ночью?!

Скорее всего, просто сменил номер. А может, выкинул вместе с телефоном.

Лара обнаружила, что все еще прижимает к себе старую куртку. Рука нащупала в нагрудном кармане что-то твердое; разжав кулак, она увидела на ладони желтую уточку с ярко-малиновым клювом – флешку-брелок. Глаза у птицы полустерлись, пластик в нескольких местах треснул. Что ж, хозяин явно не планировал за ней возвращаться.

Нацепив брелок на палец, Лара потопала на кухню. Чай с коньяком перестал быть актуален; она заварила крепкого кофе и нашла в холодильнике кусок сыра. В глазах защипало; пришлось идти смывать остатки туши и тональника.

Сквозь потоки воды с трудом пробивалась настойчивая телефонная трель.

Николя?!

Не выключив кран, она ринулась в спальню, едва не поскользнувшись на блестящей напольной плитке.

– Лариса, ты давно пришла с работы? Поела уже?

Мама. Конечно, кто же еще. Вот дура, подумала, что Никола может позвонить ей на городской телефон!

– Привет, ма. Да, уже поела.

– Чем занимаешься? – не отставала Ксения Николаевна.

– Да так, отдыхаю...

– Понятно, – в голосе матери слышались знакомые нотки. – Опять убиваешься по этому ничтожеству? Лариса, я придумала, как тебя отвлечь. Тебе нужно записаться в клуб.

– Какой клуб? – смысл простейших слов ускользал от нее.

– Клуб по интересам. Вот, например, отличный вариант – городское ориентирование. И дома сидеть не будешь по выходным, и там много молодежи участвует – познакомишься с кем-нибудь. Я видела, они бегают с картами, у них какие-то чемпионаты, конкурсы...

– Мама, ты что – заболела?! – Лару прорвало. – Какой клуб, какая беготня? Я прихожу в восьмом или девятом часу и валюсь с ног. Мне в выходной трудно вообще встать с кровати, а ты говоришь – ориентирование! Мама, это же бред...

– Лариса, прекрати! Ты что, так и собираешься в своей каморке всю жизнь провести? Ты когда последний раз в театре была? А на концерте? Ты...

– Мама, я не хочу на концерт! Что непонятного? Прекрати делать вид, словно мы в средневековье, а я старая дева. Мне по фигу на все, ясно? По фигу!

Лара бросила трубку и сжала кулаки, с трудом восстанавливая дыхание. Мать никогда не поймет, что ей нужен только Николя – какой есть, лучшего не надо. Она была так счастлива с ним, а матери просто нечем заняться. Вышла на пенсию, вот и страдает.

Когда Лара вернулась на кухню, кофе безнадежно остыл. Это мама еще не знает, что ее с работы выгнали – вот шуму-то будет. Всех добрым словом помянет – и Николя, и Томагавк, и соседку Лизу, и бесшерстного «голового» кота, которого Лара хотела, но так и не купила. Мама она такая, если

заведется – уже не остановишь. Ничего удивительного, что отец и десяти лет не выдержал.

А теперь Лара повторила ее судьбу, только вместо восьми лет удачного брака, у нее и трех не получилось. Винить во всем наследственность или плохое воспитание? Лучше все вместе, так спокойнее. Пока Николая не скажет честно, почему все произошло, вину можно сваливать даже на зеленых человечков; но мама как-то ближе и назойливее.

А пока стоило заняться галлюцинациями. По словам психолога, назывались они механизмом психологической защиты и адаптации. Все это бумагомарание – посттравматическая реакция на уход Николая. Лара выдрала листок из журнала «Космополитен» за прошлый месяц, быстро начертила табличку, где отметила дату исчезновения мужа, сказку про Шушу и появление адвоката. И как она раньше не догадалась?! Он ушел, а в ее голове появилась всякая мура. Словно проклял на прощание...

Рука дрогнула, и остатки кофе мгновенно пропитали скатерть бурыми разводами. Лара отодвинулась на другой край стола вместе с листком. Все эти мысли, эти сказки оттого, что она так и не узнала ответа на единственный вопрос.

Почему?

Кыс сначала не понял – чего это она обиделась? Подумаешь, посмеялся немного, ну опалило юбку – новую зато сшить можно. Обидчивая какая-то попалась – неинтересно с такой играть.

Но на следующее утро после испорченной игры молочница заявила снова. Кыс, недовольно зевая – но осторожно, чтобы только дым, без огня – выполз из уютной пещеры и покосился на гостью. Ну вот чего ей надо-то? Вчера уже побегали, поиграли – визг такой стоял, что галки с веток падали с сердечным приступом. Эти бабы такие горластые рождаются, прямо спасу нет.

Кыс насупился и пробурчал:

– Чего надо?

Молочница, уперев руки в боки, даже ногой притопнула от возмущения.

– Как это чего надо, злодей, пакостник этакий? Мы тебя чего ради тута держим, балбеса шипастого? Чтобы ты юбки дивчинам поджигал да косы подпаливал? Ну-ка отвечай, поганец?

Ишь какая нахальная. Кыс набычился и пополз обратно в пещеру. Нечего с такими речами приходиться, пока дракон не завтракавши. Плохо дело может кончиться.

– Ты куда пятишься, паскудник? – молочница храбро сделала пару маленьких шажков и остановилась. – Думаешь, отстану так просто?

Ну да, кивнул про себя Кыс. А что ей еще остается-то, дурехе трусливой?

Но с дурехой он, пожалуй, промахнулся.

Молочница уселась у входа в пещеру и не двигалась с места. Кыс, недовольно ворочая хвостом, прислушивался к ур-

чанию в животе. Плохо дело, еще немного – и придется превратить бабу в обед, до того есть хочется.

– Эй ты...

Лара скомкала листок и бросила на пол. Они никогда не оставят ее в покое!

Будь рядом Николая, он бы сразу разобрался, что происходит. В его институте как раз изучали...

Стоп. Лара моргнула, машинально продолжая изничтожать незаконченную сказку.

Почему она до сих пор не сделала самого очевидного?

На улице стремительно темнело. Она задернула занавески и включила маленький кухонный телевизор – для фона. Рука потянулась к карандашу, но Лара вовремя спохватилась. Не надо ничего записывать – такой короткий план можно и запомнить.

Пункт первый – встретиться с начальником Николая и выяснить, что ему известно.

Пункт второй – поговорить с Николаем, выяснить причину обиды и помириться.

Пункт третий – все вернется как было, и никакой психотерапии.

Николай работал в ужасно престижном месте – Институте параэнергетики и метафизики – ИПиМ, пусть и на полставки. От такой работы не отказываются...

...также просто, как от жены.

Работа за полставки – шикарная вещь. Просыпаться в пол-

день, лениво потягиваясь, доползти до кухни, точнее – до кофеварки и свежих булочек, окончательно проснуться под душем, не торопясь доехать до работы, провести там несколько часов и вернуться домой уже к семи. Но дома Николая мог сидеть в комнате до ночи, что-то рассчитывая, залпом поглощая статьи и распечатки, стуча по клавиатуре и вороша чертежи. Лара, пару раз обжегшись, соваться не рисковала – только тихонько подсовывала под дверь любовные записки с намеками на ужин и его продолжение. Иногда срабатывало, но чаще – нет.

Удивительно, но, кроме названия, ей никогда и в голову не приходило расспрашивать мужа о работе. Лара зашла с телефона в браузер и очень скоро получила скудный, но вполне достаточный для начала набор сведений.

Институт находился около метро «Нарвская», часы работы – с восьми до двадцати одного. Заместитель генерального директора и начальник отдела разработки – Дмитрий Аристархович Лодин. Лара скопировала данные и расслабленно откинулась на диване.

День мог считаться завершённым успешно, даже несмотря на Томагавк и ссору с мамой.

Скоро она найдет мужа и больше не отпустит. Никогда.

Глава 3. Маэстро

Глухо лязгнул тяжелый сейфовый замок.

Маэстро с усилием повернул колесо и открыл дверцу. Из сейфа пахло затхлостью. Нижний отсек давно пора разобрать – вытащить на белый свет все это конструкторское барахло, чертежи гидравлических установок, приводов, электродов, датчиков и прочих неудавшихся экспериментов. Механика – великая штука, но кое-что ей не по зубам. Для этого даже можно привлечь Василича – пусть заработает немного сверхурочных, ему не повредит.

Не удержавшись, Маэстро вытащил из стопки первый попавшийся чертеж и поморщился. Эскизы не требовали точного соблюдения стандартов оформления. Взгляд притягивала единственная строчка в основной надписи, напротив графы «Проверил».

Руничев.

Маэстро не считал злопамятность недостатком, а потому не собирался ни забывать, ни прощать того унижения, которое испытал после ухода Игоря Руничева десять лет назад. Он брезгливо сунул чертеж обратно в нижний отсек. Его переиграли на его же поле – а такого Маэстро с рук никому не спускал. Ни до, ни после. За прошедшие годы Институт превратился в его крепость, в неприступный бастион, куда врагам ход был заказан.

Наверху, рядом с секретным ящичком, лежала тоненькая стопка бумаг. Прошения, письма, замаскированные угрозы. Маэстро много их понаписал, а вода между тем камень точит. Он аккуратно сложил листок, который держал в левой руке, и набрал секретную комбинацию на заветном ящичке. Глупо, конечно, писать такое – но береженого, как известно...

В последнее время из Москвы доносилось лишь сдержанное ворчание; старые патенты уже никого не устраивали, гранты раздавали кому попало, а деньги на длительные контракты отсчитывали скупно. Такими темпами скоро начнут сами придумывать темы для исследований – придется либо кланяться в ножки, либо драться до победного.

Ладно, философствования – это вечером, за чашечкой мокко. Крякнув от внезапной боли в пояснице, Маэстро обернулся и с удивлением обнаружил, что за окном стемнело. Вторник пролетел слишком быстро – совещания, комиссия из пожарного надзора, очередной ворох служебных записок с производства... и вот уже восьмой час, а он даже не подходил к кульману!

При мысли о том, что совсем скоро его детище будет полностью готово к испытаниям, началась тахикардия. Волноваться вредно. Окошко бы открыть, но на дворе середина мая, отопление давно выключили; продует – как пить дать. Маэстро тяжело опустился в кресло и открыл портсигар.

– Василич, огоньку!

Секретарь тенью проскользнул в кабинет – ишь, как вышколил-то! – и поднес начальнику импортную зажигалку. Хороша штучка, блестящая, гладкая – но Маэстро не признавал побрякушек. Зависимость от вещей еще хуже, чем зависимость от людей. Он кивнул, давая понять секретарю, что тот может быть свободен.

Василич бесшумно исчез за дверью, ведущей в приемную. Молодой еще, но смысленый. Потому и звал его Маэстро по отчеству – выказывал особое доверие. Из него хороший зам получится, исполнительный. Не для Маэстро, конечно – тому замы ни к чему – а в другой отдел очень подойдет. Но это еще годков через пять, не раньше.

Маэстро потушил сигару и поднялся. Годы брали свое – он уже не чувствовал той неумемной энергии, которая переполняла его в тридцать и бурлила в сорок. На шестом десятке приходилось следить за питанием, за режимом дня и даже за количеством курева. Он не становился моложе – а враги так и оставались недосыгаемы. Они были осторожны – но Маэстро был терпелив. Ему бы поймать одного – и больше ни один из проклятых колдунов никогда не будет чувствовать себя в безопасности.

Проигрывают только те, у кого личного дела нет. Кому нечем считаться и не за что мстить. Но Маэстро не из таких – у него найдется, за какое место прищучить эту падаль. Он им многое расскажет и еще больше покажет – за себя и, главное – за Коленьку.

Эх, Коля, Коленька.

Маэстро откинулся в кресле и прикрыл глаза. Прошло уже почти три месяца, а вестей так и не было. Ни плохих, что уже давно не утешало, ни хороших, ни от полиции, ни от... других источников, которыми он пользовался в особых случаях.

– Доброго денька, Шеф Шефович. Как настроение, как чашечка кофе? Портсигар при вас? – просунув голову в дверь, Коля сверкал улыбкой и, не дожидаясь приглашения, сел на любимый стул, у самого окна. Из окна, правда, кроме задницы Кирова и не видать ничего – но Коля не жаловался. Никогда не жаловался.

Соня он был, Коленька – до самого конца был соня. Никогда раньше двенадцати в кабинет не приходил; пушками буди – не добудишься. Звал «Шеф Шефовичем» – Василич только зубами скрежетал, когда слышал. Любил стрельнуть сигару – другую, если тянуло пооткровенничать. Рассказывал про тещу, про соседского барбоса – или просто анекдоты травил без остановки. И откуда он их только помнил в таком количестве? Маэстро улыбался, протягивал портсигар и спрашивал о новостях. Иногда Коля отмалчивался, иногда, возбужденно размахивая руками, доказывал, что разгадка совсем близко, вот-вот сама придет в руки. Он сам взялся вычислить колдовское логово – никто не заставлял. Маэстро одобрительно кивал, подбадривал, заставлял раскрывать подробности.

Вот этого Коленька не любил.

Начинал путаться, рисовал на коленке диаграммы, крестики, снова и снова повторял, что близок к ответу. Маэстро не давил – а стоило бы. Давала себя знать разница поколений, «Отцы и дети», как говаривал классик. Они говорили с мальчиком Коленькой на разных языках – а теперь Маэстро остался один. Подобравшись так близко, Коля исчез – и вместе с ним исчезли все ниточки, догадки и тропинки.

Доверие стоит дорого, а доверчивость – еще дороже.

Иногда она может стоять жизни.

Сисадмин, а вместе с ним и весь отдел программистов безуспешно терзали Колин рабочий компьютер в течение месяца, после чего сдались. Все незапароленное оказалось обычным хламом, а заветная папка с результатами Колиного сыска так и осталась назойливым ярлыком на рабочем столе.

Маэстро вздохнул и вернулся в настоящее. Воспоминания – дело хорошее, но бесполезное. Корить себя за то, что не выудил у Коли пароля, он уже давно перестал. Оборвалась одна ниточка – появится другая, ничто в этом мире не исчезает бесследно.

Так не бывает.

Взгляд скользнул по часам с кукушкой – половина восьмого. Время летит быстро, даже слишком, вот уже и домой пора – а чем он может похвастаться за прошедший день?

Визгливо затрещал телефон, спрятанный на маленьком табурете у стены. Маэстро не ставил его на стол специально – слишком громоздкий. Вещи должны знать свое место.

– Слушаю.

– Москва на проводе, – прошептал Василич и переключил на межгород.

У всех свои тараканы – звонки «сверху» вызывали у бедняги такую робость, что пропадал голос и учащался пульс. Обычно после звонка Василич глотал таблетку валидола – на всякий «пожарный». Вот и еще один пунктик – излишне трепетное отношение к собственному двадцатилетнему организму.

– Слушаю, – снова произнес Маэстро.

– Прочел твою записку, профессор, – собеседник не счел нужным поздороваться. – Опять буянишь?

В трубке слышалось тяжелое, сердитое дыхание. Маэстро вспомнил последнюю встречу с заместителем министра – врачи давали тому от силы несколько месяцев. А вишь ты – выкарабкался!

– Ну что вы, Анатолий Павлович. Продолжаю свои исследования, и вместе с ними рассуждения, только и всего. Кто не задумывается о будущем, тем более в нашем с вами возрасте – тот беспечный и недалекий человек.

Вот тебе, министерская крыса. Посмотрим, как теперь запоешь.

В трубке закашлялись. Все-таки победить смерть окончательно не удавалось еще никому.

– Всецело согласен. Но ваш тон не выдерживает никакой критики, профессор. Нельзя же так набрасываться. Вспом-

ните о толерантности.

– Толерастии? – презрительно скривил губы Маэстро.

– Толерантности, – собеседник сделал акцент и помолчал. – Мы не можем ущемлять чьи-то права слишком навязчиво, понимаете? А вы... Вы же говорите о ваших же согражданах, профессор. Все они чьи-то дети, родители, учителя, бабки-дедки и прочие родственники. Поднимется крик о правах и нарушении оных. Вам оно надо, дражайший? Вы до сих пор не предоставили никаких доказательств – только домыслы. Похищениями занимается полиция, ФСБ подключится со дня на день. А вы говорите – колдуны? Я был склонен вам верить в последние годы, но эта вера стоит государству больших денег. Вы меня понимаете? Нельзя вечно прикрываться отчетами и коробками никому не нужных чертежей.

Все та же трусливая песня. Маэстро вытащил из кармана носовой платок и промокнул лоб. Неторопливо сложил платок и вернул на место.

– Совсем скоро я предоставлю вам веские причины увеличить финансирование.

– Действительно? – вежливо удивились в трубке. – На вашем месте я бы поторопился, уважаемый Дмитрий Аристархович.

– Будьте покойны. До свидания.

Маэстро подержал трубку на весу и бросил.

Ничего, скоро вы запоете совсем по-другому. Клубочек

все разматывается себе, не стоит на месте. Маэстро натужно усмехнулся.

Его кабинет, бесконечные стеллажи с книгами, книжками и талмудами были созданы ради этого часа. До прихода Маэстро Институт метафизики загнивал, доживая последние дни мелкими заказами. Конструктора не знали, что им рисовать, программисты раскладывали пасьянсы на допотопных машинах. Пять этажей вверх, два – вниз, лаборатории, охрана, сигнализации на каждом углу. У него самого никогда не было ни компьютера, ни личного ноутбука. Просто так, что ли? Работа велась давно и упорно, ради этой самой работы многое, очень многое было поставлено на карту. Вышколенные сотрудники, тишина в коридорах, высокие оклады и редкие премиальные.

Да что там, сам Институт создавался с одной целью – неужели непонятно? Его работа не синекура какая-то, опасность существовала на самом деле. Беспечный Коленька подобрался слишком близко к змеиному логову – и попался. Ради его памяти и ради всеобщего блага Маэстро должен раз и навсегда уничтожить рассадник заразы.

Он посмотрел на кульман и тяжело поднялся из-за стола. Восемь часов – детское время, еще рано бить баклуши в одинокой, полупустой квартире. Здесь – его крепость, его дом, его линия обороны перед нависшей угрозой, которую никто не хотел признавать.

Но Маэстро знал, как устранить ее раз и навсегда.

Глава 4. ОХОТНИЧИЙ ЗАМОК

Набитый хламом аквариум да пара чучел в углу – все, что осталось от Музея живой природы, занимавшего Охотничий замок после революции. На стенах кабинета, соединенного с архивом коротким узким коридором, когда-то висели маски животных, водившихся в окрестных лесах, старинный шкаф красного дерева покосился под тяжестью гербариев и неумелых минералогических коллекций. Когда музей в тридцатых годах закрыли, как идеологически чуждый, в замке ненадолго устроили детский дом, но часть помещений так и стояла закрытой еще очень долго.

Калидас и сам не мог сказать, почему до сих пор не разобрал остатки – аквариум он использовал как мусорную корзину, а чучела... Чучела служили эстетическим целям. В моменты сильного раздражения пальцы непроизвольно складывались в нужную хасту, и полинялая кабанья морда превращалась в лицо наиболее рьяного оппонента из Малого круга. Конечно, иллюзия держалась недолго – как раз хватало, чтобы с наслаждением отхлестать тупицу по щекам свернутой в рулон газетой. В остальное время морды его не беспокоили. Калидас усмехнулся и одним движением смахнул с последнего чучела пыль.

Все никак не хватало времени разобрать бумаги, грудой сваленные на столе. Можно было бы изловчиться и подо-

брать подходящую хасту – но какую сингулярность прикладывать, с учетом вектора и нестабильной розы ветров, Калидас не знал. Не с его всегдашней неуверенностью испытывать новые заклинания на собственном рабочем месте. Он раскрыл тяжелую створку дореволюционного секретера, за которой скрывалось зеркало, одернул свитер и поправил манжеты рубашки. Запустил пальцы в рано поседевшую шевелюру, приглаживая непослушные космы. Сколько раз он просил составить какую-нибудь микстуру, чтобы не потеть так сильно – но лекарь знай отмахивался. Ему не понять, в его тридцать восемь, что такое волноваться перед свиданием!

Калидас расстегнул верхнюю пуговицу и распахнул окно, жадно вдыхая влажный, остро пахнувший зеленью вечерний воздух. В парк, окружавший замок, почти не долетал ветер с залива, и даже во время штормового предупреждения можно было без опаски гулять, не доходя лишь пару десятков метров до прибрежной полосы. Смешно – каждый раз он так сильно боялся, что она не придет, и при этом ничуть бы этому не удивился. Кому нужен никчемный, ничего толком не добившийся почти старик?!

По паркету застучали острые каблучки, и Калидас поспешно обернулся, загораживая раскрытое окно. Быстрым движением сложил пальцы левой руки в простейшую хасту – свечи с легким шипением погасли. В тени морщины заметны не так сильно.

– Мой сладкий, – Жанна, ворвавшись в кабинет, бросилась прямо к нему.

Нежные ладони обхватили голову архивариуса точным, сильным движением. Она запустила в жидкие с проседью волосы длинные пальцы с алыми ноготками и запечатлела на лбу Калидаса жадный, шумный поцелуй. Потом чуть отпрянула, давая ему возможность разглядеть новую короткую прическу, шаловливые стрелки на глазах и платье с глубоким декольте. Удостоверившись, что архивариус оценил прелести по достоинству, Жанна снова придвинулась к нему вплотную.

– Я скучал, дорогая, – Калидас осторожно обнял девушку за талию, словно этрусскую вазу. – Все ждал, когда же ты придешь.

– В этот салон связи ходят одни мудаки, – обиженно надула губки красотка. – Спокойствие только снится. Пришлось воспользоваться короткой дорогой, чтобы успеть к тебе.

Калидас кивнул, старательно скрывая радость. Конечно, разница в двадцать с лишним лет не могла остаться незамеченной, но ведь Жанна выбрала его, архивариуса, а не кого-то другого из Малого круга. Для этого должна быть причина, так почему бы...

– Почему ты так на меня смотришь? – Жанна, наклонив голову, встретилась с Калидасом взглядом. – Что-то не так? Архивариус тихонько вздохнул и привлек ее к себе.

– Переживаешь, что я тебя брошу?

Не дожидаясь ответа, Жанна прижалась к нему вплотную и медленно провела указательным пальцем по дряблой, плохо выбритой щеке.

– Мистер Недоверчивость снова в деле, – она чмокнула Калидаса в уголок рта. – Свежая пресса? Что новенького?

Она выскользнула из его объятий и наметанным глазом высмотрела на столе источник головной боли архивариуса. Газета «Желтый угол» была именно тем, на что намекало ее название – рассадником самых нелепых слухов и порнухи. Жанна брезгливо поморщилась, перелистывая плохо отпечатанные страницы.

– Неужели тебя интересует подобная дребедень?

Калидас отвернулся к окну, наплевав на тень и морщины. Больше всего на свете ему хотелось рассказать правду – но это значило сообщить простой ассистентке то, чем он делился только с Глостером и другими членами круга. Его долг заключался в том, чтобы секреты Артели не выходили за ее пределы, и многие годы он не представлял, как могло быть иначе. Но сейчас, спустя несколько месяцев после выборов, к нему попросту не желали прислушиваться. Окончательно списали в утиль, не иначе. Калидас сжал руки в кулаки. Они не желали понимать, что все это неслучайно...

– Ты можешь поделиться со мной, в любое время, – нежные пальцы скользнули по его плечам. – Я всегда поддержу тебя, сладкий. И я не из болтливых, ты же знаешь.

В том, что Жанна умеет держать язык за зубами, архива-

риус убедился еще полгода назад, когда они начали проводить вместе все больше времени. Он ждал, что не пройдет и недели, как об их связи будет знать даже глухой дворник дядя Семен, но если шепоток и раздавался по углам, источником его была явно не Жанна. Красотка не делала ставку на сплетни, и Калидас не мог не уважать ассистентку за отказ от самого простого и грязного пути.

– Я знаю, дорогая, – Калидас повернулся, снова привлекая ее к себе. – Там, на пятой странице.

Жанна торопливо перелистнула газетку, которую и не думала выпускать из рук.

– «Талисман знахаря Миколы», «Письма травнику Никомеду», «Бальзам «Мужская страсть»... – Жанна хихикнула. – Кто читает эту чушь, сладкий? Обычный бред шарлатанов. А, нашла! «Банда колдунов-мошенников продолжает свою кровавую жатву! Полиция бездействует, и скоро каждый из нас может быть похищен из-под носа у собственной жены или ребенка прямо на улице, чтобы стать жертвой безумных ритуалов новоявленных адептов Тьмы»...

Она нахмурилась, потом перечитала заметку еще раз.

– О чем это он? По телевизору говорят, что похищения расследует ФСБ. Ни о каких адептах... что это вообще за слово такое? Адепты Тьмы!

Жанна скривилась. Калидас прикусил язык – поделиться подозрениями с Жанной прежде, чем он расскажет о них Глостеру, значило больше, чем просто довериться любимой

женщине. Любой Мастер, даже самый лояльный, не спустил бы подобного.

– Это уже пятая статья за три месяца, понимаешь? – Калидас попытался перевести тему. – Всегда одного и того же автора. Он каждый раз не стесняется намекнуть, что люди исчезают по нашей вине, их пытаются и чуть ли не убивают. И полиция подкуплена, разумеется, тоже нами. Это тщательно спланированный вброс.

Жанна еще раз пробежала статью, задержавшись на подписи.

– А кто этот «Д.Л.»? Ты знаешь его настоящее имя?

– Подозреваю, что Маэстро собственной персоной, – Калидас решил, что настоящее имя закадычного врага Артели Жанне ни к чему. – Его хлебом не корми – дай поглумиться. Я пытался поговорить с Глостером о том, что стоит принять меры, пусть даже напечатать что-нибудь в ответ, но нет! Он от меня только отмахнулся. Но ведь похищения продолжаются!

Тут Калидас сообразил, что сморозил лишнего, но было поздно. Цепкий, неженский взгляд Жанны встретился с его глазами.

– Глостер ведь может ошибаться, не так ли? – осторожно произнесла она. – Ты его старше, ты больше повидал в этой жизни. Да, его выбрали Мастером, но это не значит...

– Значит, – Калидас, отодвинувшись, с трудом отвел глаза. – Если каждый будет делать, что ему кажется нужным,

начнется анархия. Этого нельзя допустить, только не сейчас, когда нас осталось так мало.

Леший его побери! Снова ляпнул слишком много. На этот раз Жанна, казалось, пропустила ремарку мимо ушей. Она присела на краешек стола и медленно сворачивала в рулон потрёпанный «Желтый угол».

– Этого «Д.Л.» можно заставить замолчать, – предложила красавица будничным тоном. – Если ты знаешь, как его настоящее имя. Ты ведь знаешь, есть средства...

– Жанна, ты сошла с ума!

На Калидаса словно обрушился ушат ледяной воды, барабанные перепонки заполонил чужеродный гул. Хасту беспомощности не изучали среди базовых манипуляций. Ни один чудотворец за всю историю Артели не составлял ее по доброй воле.

Жанна легким движением поправила густые черные локоны, словно не заметив реакции Калидаса на страшное предложение. На указательном пальце блеснуло единственное украшение – тонкое платиновое кольцо. Архивариус все пытался узнать, откуда оно – но Жанна каждый раз изящно уходила от ответа.

– Ты все равно можешь что-нибудь предпринять, сладкий, – она обвила его шею руками и крепко поцеловала. – Я вовсе не предлагаю нарушать правила, не подумай. Их ведь не просто так придумали, хотя кое-что давно покрылось столетним дустом. Но я тебя знаю, ты все равно будешь пере-

живать, дорогой. Чувство ответственности такая вещь, либо есть – либо нет. Что бы они без тебя делали, сладкий? Что бы я без тебя делала?

Калидас слушал и таял, наслаждаясь горячими поцелуями. Она прильнула к нему, а тонкое шелковое платье не только не скрывало молодого разгоряченного тела, но неведомым образом являло его во всей красе. Не женщина – идеал, и Калидас не собирался терять такое сокровище. Она права, кругом права. Если гора не идет к Магомету...

За окном медленно догорал душный майский вечер, предвещая наступление белых ночей. В распахнутые окна ворвались тревожные трели трясогузок и тут же оборвались от предчувствия скорой грозы. Солнце давно село, и на Охотничий замок, надежно укрытый в заповедных лесах Невской губы, опустилась ночная мгла, неся недолгое успокоение его обитателям.

Глава 5. Профессор Лодин

Встать в восемь утра оказалось намного легче обычного. В школу Лара с трудом выдирала себя из кровати в семь – макияж, прическа, завтрак на скорую руку – и к пятнице попытка достигала кульминации. Но стоило работе отступить на второй план, как она вскочила с кровати за несколько минут до будильника и закружилась по комнате в предвкушении нового дня.

Гороскоп, который Лара проверила, пока накладывала самый легкий макияж из возможных, советовал быть осторожной в мыслях и не поддаваться панике. Отличная рекомендация на любой из трехсот шестидесяти пяти дней в году – лучше и не придумаешь.

Погода, как всегда в Петербурге, оказалась переменчива, и небо затянуло серым полотном прежде, чем она успела продумать гардероб. Что ж, грядущий дождь значительно упрощал выбор – вместо платья Лара натянула джинсы и блузку, проверила зонт в сумочке и выпорхнула из парадной, спровоцировав сияющим видом неодобрительное хмыканье лавочных старушек. Лара могла поклясться, что паучихи ежедневно ведут учет каждому жителю, добавляя при пересказе старых сплетен парочку новых. Рука потянулась за блокнотом, чтобы поскорее записать историю болтливых паучих, которым не повезло стать жертвами шпионской иг-

ры, затеянной хитрым стрижом. Словно обжегшись, Лара стиснула пальцы в кулак и плотнее застегнула молнию на сумочке.

На «Нарвской» ее поджидал дождь, пока еще не сильный, но все равно создавший на выходе из метро небольшой затор среди тех, кто мечтал переждать непогоду в вестибюле. Наивные... Лара открыла зонт и торопливо сбежала по ступенькам. Проще слегка намочить рукава сейчас, чем потом тонуть в лужах, когда морось превратится в ливень, что случалось в Питере нередко и всегда внезапно для части горожан и коммунальных служб. Прижав ручку зонта щекой, она вытащила мобильник и сверилась с картой. Прямо по Стачек, арка строго за спиной. Отличный маршрут для топографического кретина вроде нее.

Дождь припустил сильнее, но Лара как раз успела добраться до козырька над почтовым отделением, занимавшим угловой флигель длинного серого здания. Над центральным входом до сих пор темнел огромный герб Союза. Лара предпочла бы видеть на месте серой коробки современный торговый центр или аквапарк, но инвесторы гораздо охотнее застраивали свободные площади, которых в городе на Неве оставалось все меньше. Она стряхнула зонт и в одну короткую перебежку домчалась до центральных дверей.

Тяжелая деревянная створка поддалась с трудом, до последнего не пропуская ее внутрь. Николая ходил сюда каждый день, всегда с интересом и возвращался очень воодушев-

ленный. Почему ей никогда не приходило в голову заехать к нему на работу или проводить? Почему она ничего не знала до вчерашнего вечера про его начальника или коллег? Она плохая жена или просто витала в облаках собственных фантазий? Лара недоуменно оглядела большой холл с широкой лестницей, которая после первого пролета разделялась на две, уходя далеко вверх. Здание, с улицы казавшееся небольшим – да еще этот флигель, который оттяпала Почта России – поразило ее своими размерами, стоило переступить порог.

– Вы к кому?

Исковерканный микрофоном строгий голос доносился из кабинки с темными стеклами рядом с турникетом.

Как неудобно разговаривать, когда не видишь, к кому обращаешься!

– Мне бы... – Лара запнулась, вспоминая фамилию. – К Дмитрию Аристарховичу Лодину, пожалуйста.

– Вам назначено? – в усталом голосе вахтерши звякнуло любопытство. – Из газеты, что ли?

Лара уставилась на темное стекло.

– Нет, я по личному делу. Мне не назначено, – торопливо добавила она. – Меня зовут Лариса Беркутова. Может быть...

– Ждите тогда, – неприязненно бросила вахтерша.

Микрофон треснул, выключаясь. Лара почувствовала себя глупо, явившись без звонка к заместителю директора, ко-

торый, очевидно, принимал только по предварительной записи. Сейчас ее попросят отсюда и последняя ниточка, которая могла бы привести к Николаю, будет потеряна.

– Проходите, – на турникете загорелся зеленый кружок. – Третий этаж, правая лестница, по коридору до конца и там налево. Кабинет триста восемьдесят.

– Спасибо, – Лара кивнула, не веря своему счастью. – Спасибо вам большое.

Вахтерша не ответила. На лестнице эйфория быстро сошла на нет – Лара неторопливо поднималась по широким мраморным ступеням, то и дело представляя под ногами красный ковер. Пока она дошла до третьего этажа ей встретилась лишь пара степенных матрон, которые обсуждали – разумеется! – какую-то третью особу, потому что нет ничего более приятного, чем перемыть косточки коллеге у той за спиной. Лара невольно скривилась – однажды ей не повезло подслушать весьма далекий от истины диалог про нее саму, после чего посиделки за чаем в учительской утратили всякую прелесть.

Третий этаж, как и обещала невидимая вахтерша, начался коридором – Лара подметила, что левый пролет лестницы заканчивался на другой высоте и вел в противоположную часть здания. По одну сторону тянулся ряд одинаковых деревянных дверей с номерами, кое-где встречались таблички с названием отдела или фамилией. Противоположную стену занимало окно, растянувшееся на всю длину коридо-

ра. Выглянув, Лара остолбенела: здание института оказалось огромным, с прямоугольным внутренним двором, над которым нависал матовый стеклянный купол и двумя длинными флигелями. Дождь мешал разглядеть детали. Лара поспешила дальше, опасаясь нерасторопностью разгневать начальника Николая еще сильнее, учитывая, что она явилась без предупреждения.

Кабинет триста восемьдесят отличался от других весьма разительно. Тяжелая, металлическая дверь была распахнута настежь, демонстрируя вторую попроще, на которой тоже значился номер триста восемьдесят и табличка «Заведующий отделами Э и Р, заместитель генерального директора, ведущий инженер, профессор Лодин Дмитрий Аристархович».

При виде таблички Лара немного оробела и топталась на пороге около минуты, прежде чем рискнула постучать. Ей никто не ответил, но за дверью слышались шаги и внезапно перед ней оказался молодой человек с рыжими, коротко стриженными волосами, в костюме с галстуком, и приветливо улыбнулся.

– Лариса Аркадьевна? Проходите, пожалуйста.

Секретарь, догадалась она. Молодой человек посторонился, уступая дорогу – она попала в приемную с небольшим столом в дальнем углу, занятом тремя телефонами, очень старыми и пожелтевшими от времени. На подоконнике стояли два цветочных горшка с фиалками – один куст как раз от-

цветал. На остальном пространстве кое-как уживались шкафы с непрозрачными створками, замочными скважинами и пронумерованными полками. Лара сделала еще шаг и едва не споткнулась о вешалку, на которой болтался теплый полосатый шарф. Секретарь между тем вел ее дальше:

– Прошу сюда, Дмитрий Аристархович ждет вас.

Лара кивнула и, дождавшись, пока тот приоткроет дверь, шагнула внутрь. Кабинет профессора оказался намного меньше приемной – здесь тоже стояли на окне фиалки, а на столе солидно поблескивал письменный прибор из цельного куска малахита. Кроме него, часть пространства у хозяина кабинета отнимали развернутый к стене кульман и старый, чуть тронутый ржавчиной сейф. Лодин живо вскочил на ноги и кивнул секретарю:

– Спасибо, Василич. Дальше я сам. Позвони в хозблок, не забудь.

Молодой человек кивнул и скрылся за дверью. Лара стояла посреди кабинета, разглядывая профессора, который, в свою очередь, тоже смотрел на нее в упор. Дмитрию Аристарховичу можно было дать пятьдесят или чуть больше, половину его головы занимала лысина, но это вполне компенсировалось очень пышной, хотя и седой, шевелюрой на затылке. Как и секретарь, он носил костюм, совершенно вышедший из моды – без галстука, но с жилеткой, к которой крепилась цепочка карманных часов. «Сумасшедший гений» – первое, что пришло Ларе на ум.

– Прошу, прошу, дорогая. Садитесь вот сюда, – Лодин внезапно засуетился и указал на жесткое, выдавшее виды плюшевое кресло у окна. – Дмитрий Аристархович, к вашим услугам. Полагаю, мы не знакомы?

Маленькие пронизательные глаза смотрели одновременно с любопытством и восторгом. Лара невольно улыбнулась в ответ и решила слегка приукрасить действительность.

– Муж отзывался о вас очень высоко, Дмитрий Аристархович. Николая... простите, Николай Беркутов, он ведь у вас работал?

Она присела, не сводя с него взгляда. Лодин кивнул и внезапно сжал ее руку снова, словно проверяя, не призрак ли перед ним. Лара ойкнула, он тут же отпустил ее и тяжело опустился на небольшой табурет.

– Коленька говорил, что его жена умница, а вот что красавица утаил. Не иначе, опасался конкуренции.

Лара от неожиданности моргнула, не зная, что отвечать на комплимент, в котором не было ни слова правды. Николая считал ее умной? Если да, то она об этом даже не догадывалась. Ну а про красоту вообще неприлично.

Пора переходить к делу.

– Дмитрий Аристархович, – Лара сглотнула. – Дело в том, что Николая пропал... Вы, конечно, знаете об этом, я подавала заявления в полицию, возможно, они к вам приходили. Я бы не стала... я не думаю, что он просто взял и уехал, но даже если так, даже если я... Я пришла узнать, может

быть, он оставил вам записку или звонил? Он исчез, ничего мне не сказав, я обзвонила все больницы и морги – как в воду канул. Потом приходил адвокат с бумагами и вроде бы мы развелись, но я все равно хотела бы знать, почему это произошло. Разбирала дома его вещи и поняла, что не могу продолжать жить без ответа.

Лодин смотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

– Вы поэтому пришли ко мне, Лариса... простите, можно я к вам по имени? Тут столько молодежи, привыкаешь, знаете ли. Вы пришли, потому что ищете его?

Лара кивнула. Она и так сказала больше, чем хотела. Предполагалось, что вещи будут лишь удобным предлогом, никаких эмоций, а сама... Она быстро отвернулась, вытаскивая бумажный платок из сумочки. Не хватало только черных разводов под глазами.

– Так жаль, моя дорогая, – только и произнес профессор. – Вещи, значит, разбирали? Представляю, представляю... Память, конфеты, букеты. Все заканчивается, рано или поздно, дорогая моя. Увы и ах.

Последнее он произнес совершенно без тени сожаления. Лара молчала, ожидая продолжения.

– Василич! – внезапно крикнул Лодин. – Чайку завари, а? Мы тут за жисть говорим, такое дело.

Лара не просила чаю. В ней крепла уверенность, что Лодин что-то знает и просто заговаривает ей зубы.

– Если он просил ничего мне не сообщать, вы так и ска-

жите, – резко выпалила она вставая. – Я умолять не буду, если так – значит, так. И бегать по этажам, чтобы найти его, тоже не стану. Только не надо меня чайками заливать, это бесполезно. Я хочу найти его и буду искать, даже если вы мне не поможете.

Ой, как это нехорошо вышло. Она тут же прикусила язык, но было уже поздно. Остатки веселого любопытства испарились из морщинистых глаз профессора, он кинул на нее хищный взгляд исподлобья и махнул, чтобы она села на место. Секретарь осторожно внес поднос с дымящимися чашками и поставил на стол, едва не задев дорогой малахитовый прибор.

Лара приготовилась к ответному удару.

– Дорогая Ларисочка, ну что вы такое подумали? – всплеснул руками Лодин, когда она нехотя села, понимая, что слово не воробей и сейчас ей быстро укажут на дверь. – Ну что вы, не сердитесь так. Я и сам...

Лодин умолк и уткнулся в чашку. Лара от стыда была готова провалиться сквозь землю. Обидела пожилого человека, который, похоже, тоже любил Николая как родного.

– Простите, – прошептала она, из вежливости отпивая глоток мерзкого зеленого чая.

– Ничего-ничего, – снова взмахнул руками профессор. – Я все понимаю. Дело тут такое – он ведь и мне ничего не сказал. Он и не мог сказать, моя дорогая.

– Не мог? – Лара удивленно подняла глаза.

– Не мог, – Лодин торопливо оглянулся, встал и как следует прикрыл дверь. – Я вам сейчас расскажу кое-что, Лариса. Вы уж сами решайте, как поступить, я вам чужой человек и не указ. Но вам, как и мне, Коля был... Коля нам не безразличен, поэтому я не хочу ничего от вас утаивать.

Лара похолодела – оговорка профессора выбила ее из колеи.

– Почему... почему вы так говорите о нем?

Лодин отставил чашку и неловко пригладил топорщившиеся седые космы.

– Я не знаю, где Коленька. Не буду вам врать, Ларисочка – его может не быть в живых, а я и не подозреваю, где его искать. Но я точно знаю, кто виноват в том, что с ним случилось. Вы только не перебивайте, хорошо?

Лара торопливо кивнула.

– Коля работал над заданием, которое, кроме него, я не мог поручить никому. Очень важным заданием. Коля занимался поисками плохих людей, и я боюсь, Лариса, что в конце концов они до него добрались. Вы ведь слышали про похищения?

– Но...

Лара умолкла. Похищения в Петербурге начались два месяца назад. Люди пропадали среди бела дня, их находили спустя сутки, иногда двое. Обмороженных, в беспмятстве, с трудом узнававших окружающий мир.

Но живыми находили не всех. В некоторых районах на-

род собирался в дружины, патрулируя вечерами улицы. Новости начинались и заканчивались короткой сводкой о судьбе несчастных, а между тем подвижек в расследовании так и не намечалось.

– Почему его так и не нашли? И этот адвокат с бумагами... как же это возможно?

Профессор вскинул на нее виноватые глаза.

– Потому что он следил за ними, Лариса. И подобрался слишком близко. По телевизору вы этого не услышите, – торопливо добавил он. – Но я скажу вам кое-что еще. Эти люди умеют больше, чем мы, они способны совершать вещи, которые мы бы с вами назвали колдовством. Но в просвещенном двадцать первом веке нет места подобным суевериям. Они умеют управлять силами, которые не до конца понятны... и это делает их опасными вдвойне. Понимаете? Мы здесь, в Институте, лишь в самом начале изучения сути этих явлений. Но Коля хотел разобраться во всем... и видите, чем оно обернулось? Заставить вашего мужа забыть о вас, о работе, подписать что угодно – для них не представляет никакой сложности. Увы.

Лара остекленевшими глазами уставилась на дно чашки, где плавало несколько продолговатых, темно-бурых чаинок и среди них, внезапно, прозрачный цветочный лепесток.

«Люди, которые способны совершать вещи...»

– Вы в порядке, милая? – Лодин похлопал ее по руке. – Вы уж простите, вывалил на вас все это, не удержался. Так

говорите, просто вышел утром и все? Даже вещей никаких не брал?

Лара кивнула.

– Нет, я... – она хотела признаться, что выкинула накануне все, что оставалось, но не смогла.

– Ну вы не расстраивайтесь, – Лодин шустро поднялся и подошел к двери. – Я вас оставлю на минуту, проверю, позвонил ли мой прохвост в хозблок. Так и без генератора остаться недолго.

Лодин тщательно закрыл за собой дверь. Лара рассеянно глотала чай, невидящими глазами оглядывая кабинет, и невольно удивилась, почему профессор не воспользовался собственным телефоном. Вернув чашку на поднос, она посмотрела в окно. Над крышами домов лениво ползла в сторону залива свинцовая туча, поднявшийся ветер гнул недавно зазеленевшие ветви деревьев. Она убрала в сумочку салфетки и нащупала брелок.

Бедный профессор Лодин! Лара вертела потрепанную временем уточку на пальце... он бы и вовсе потерял к ней остатки уважения, если бы узнал, как она обошлась с вещами бывшего мужа. Лодин, оказывается, с ней два сапога пара. Оба осиротели.

Неужели ее мужа действительно похитили?

Скрипнула дверь, и на пороге появился профессор Лодин.

– Простите, задержался. Вы на работу сейчас?

Лара неопределенно повела плечами – врать не хотелось,

а говорить правду – тем более. Тут она заметила, что Лодин пристально смотрит на брелок и смутилась. За полную дуру посчитал... она торопливо сунула флешку обратно в сумку и встала, пока профессор не заставил допивать ненавистную бурду.

– Спасибо вам, Дмитрий Аристархович. Если я что-нибудь узнаю... – она оборвала себя. – Спасибо, до свидания.

Лодин шагнул к столу, пропуская ее. У входной двери уже маячила фигура Василича. Лара попрощалась и с ним, спустилась по лестнице, изо всех сил стараясь не бежать, и вышла на улицу. Мысль, которая пришла ей в голову только сейчас, заставила мир в буквальном смысле вертеться в обратную сторону.

Ведь если Николя похитили, если заставили подать на развод, то он все еще любит ее. И что бы ни говорил профессор, как бы ни страшал – Лара найдет его, чего бы ей это ни стоило.

Глава 6. Крот

Лара бросила взгляд на часы. Четверть первого, вот и полдня позади – а результата нет, и теперь уже не предвидится. Все, что наговорил ей профессор Лодин, казалось кошмарным сном – ее переполняло желание помочь Николаю, и вместе с тем крепло понимание, что она совершенно бессильна. Дождь внезапно кончился, стоило ей выйти из здания Института. Лара повесила зонт на руку и медленно побрела обратно к метро. Можно было бы вернуться домой, устроить обеденную сиесту, но в пустой квартире горечь разочарования и беспомощности настигали быстрее и не отпускали дольше. Надо ехать в центр, там магазины, люди, дворцы, и ветер с Невы уносил горести прежде, чем они успевали разесть сердце до дна.

Вагон подъехал полупустой – единственное время суток, кроме поздней ночи, когда можно сесть на середине ветки и спокойно почитать или подремать. Лара прикрыла глаза, прокатывая между пальцев флешку-уточку, которую благо-разумно сняла со связки ключей, и едва не проспала «Пушкинскую». Белоснежная статуя поэта в глубине станции задумчиво-печальным взглядом проводила ее на переход. Лара всегда показывала ученикам фотографии статуй поэта вместо канонического портрета Кипренского – ей казалось, что только фигура целиком передает величие его трагедии.

Задумавшись, она споткнулась на крутой лестнице и едва не упала.

Справа и слева внезапно появились люди, и еще недавно пустую станцию заполонила толпа из прибывшего поезда. Лара попыталась идти в ногу, чтобы не свалиться вторично. Пару раз ее толкнули в спину особо нетерпеливые – чаще всего женщины с огромными сумками и презрительно задранными подбородками. Наверху толпа чуть поредела, распределившись по переходу.

Справа от Лары разрезал толпу локтями широкоплечий амбал в дешевом пиджаке и каплями пота на бритом затылке, второй, весьма похожий на него субъект, шел чуть впереди. Они двигались так, словно каждый шаг был просчитан заранее – вроде бы в ногу с остальными, но вместе с тем как-то механически отрепетировано. Прежде чем она успела сообразить, что происходит, ее сумочка внезапно зажала собственной жизнью. Лара старалась держаться левой стороны перехода, подальше от особо торопливых пассажиров, но сумочка рванулась вправо, прямо в бешеную толпу, вместе с одним из громил, в то время как второй, замедлив шаг, оттеснял ее все ближе к стене, заставляя разжать пальцы, сжимавшие ремешок.

– Что вы...? – начала было Лара, еще не до конца веря в то, что современные карманники могут действовать так нагло и топорно одновременно.

Мимо проталкивались люди, бормоча что-то себе под нос,

явно недовольные тем, что в переходе образовалась пробка. Лара беспомощно продолжала тянуть на себя сумочку, понимая, что ремешок может оборваться в любую секунду. Громила впереди, обернувшись к ней, прорычал сквозь зубы что-то угрожающее, не переставая отталкивать ее к стене.

– Отдал сумку сейчас же! – между ней и вторым карманником, который уже успел как следует порыться в сумке, внезапно втерся субтильный парень лет семнадцати, в мешковатой байховой рубашке и с рюкзаком за спиной.

Громила впереди изменился в лице – неожиданный защитник наступил ему на ногу тяжелым армейским ботинком. Вызвав секундное замешательство, парень что есть силы рванул на себя раскрытую сумочку.

– Полиция! – громко крикнул он, ничуть не смущаясь того, как шарахнулась в сторону большая часть проходивших мимо людей.

Сумочка, половина содержимого которой успела вывалиться на пол, оказалась у него. Карманники, переглянувшись, бросились прочь, хотя Лара никакой полиции так и не увидела. Народ вокруг поворчал и стал обходить их стороной, недовольные шепотки скоро затихли. Парень подал ей сумочку, поправив странного вида большие очки с темными стеклами, по дужкам которых тянулись тоненькие проводки.

– Крак!

Лара беспомощно опустилась на корточки, собирая остат-

ки нехитрого имущества. У сумки надорвалась лямка, вывернутое нутро неприятно поблескивало дешевой синтетикой в ярком свете ламп. Она подобрала помаду, кошелек и проездной, радуясь, что мобильник лежал в кармане и не пострадал.

– Спасибо тебе огромное, – повернулась она к парню, который так и стоял рядом. – Я как-то растерялась...

– Все на месте?

Лара поворошила содержимое. Народ вокруг все наплывал, вернулась и головная боль, а она, конечно же, забыла взять с собой новую упаковку таблеток.

– Вроде...

Никакого настроения ехать в центр не осталось. Лара что есть силы подавила подступившие к горлу слезы. Она никогда не найдет Николая и ей не удастся избавиться от этих... этого... Она вспомнила, как профессор отзывался о тех, кто обладал необычной силой. Если это они похищали людей и навредили Николаю... Лара обошла ограждение, намереваясь вернуться на «Пушкинскую» и заметила, что парень так и следует за ней по пятам.

Дорогое мироздание решило добить ее очередным сумасшедшим? Она вздохнула, спускаясь по ступеням. Может быть, ему просто на ту же ветку, только и всего? Или вообще на выход?

На платформе она почти убедила себя, что им просто по пути. Парень стоял поодаль, не пытался приставать,

не бормотал под нос и даже не смотрел в ее сторону. Вполне могло статься, что он выйдет на следующей станции... или через одну. Да впереди еще половина ветки, мало ли куда ему надо! Спас ее сумочку и на том спасибо.

Но когда парень вышел вместе с ней на «Гражданке», все объяснения отпали. Он не пытался спрятаться – просто шел в отдалении, иногда странно петляя в тянувшейся к выходу толпе. Она торопливо соскочила с эскалатора, прижимая локтем потрепанную сумочку; бег всегда давался ей с трудом. На перекрестке Лара с ужасом обнаружила, что парень следует за ней по пятам, но при этом совершенно не торопится. Откуда ему знать, что она живет прямо за углом?

Лара обогнула библиотеку справа, выбрав более длинную дорогу. Кое-как добежав до парадной, она остановилась, судорожно роясь в сумочке.

– Значит, вас все-таки ограбили?

Лара подпрыгнула от ужаса и сделала шаг назад, прижавшись к домофону. Что ему нужно? Что...

Но ключей в сумочке действительно не было. Парень спокойно стоял у ступеней, не делая попыток подойти ближе. Лара проверила все еще раз и вздохнула.

– Придется менять замки.

Впереди ее ждал вызов ремонтной бригады, новые расходы и очередная лекция от матери, как только та прознает про карманников. Ларе придется выслушать, какая она растяпа и не способна за себя постоять.

Неожиданно ее посетила мысль, от которой стало по-настоящему страшно. Воришки опередили ее минимум на пару поездов – пока она собирала вещи, пока приходила в себя... Хватит ли десяти минут, чтобы обнести квартиру?

– Слушай... – она понимала, что несет дикость, но выбирать не приходилось. – Ты можешь... можешь подняться со мной на лифте? Ну... если они еще... если...

Она так и не смогла договорить фразу.

– Слишком мало времени да и откуда им знать, где вы живете? – возразил парень. – Но подняться могу, если надо.

Дверь медленно отворилась, выпустив на улицу бабу Нюру – старейшую жительницу парадной, которая выходила на ежедневный моцион строго в три часа дня в любую погоду и время года. Лара торопливо кивнула в ответ на прищуренный взгляд старухи, и прошмыгнула внутрь, поманив гостя за собой. Они втиснулись в маленькую кабину лифта и поднялись на седьмой этаж. Лара зашла в общий коридор на три квартиры, наполовину занятый коляской и трехколесным велосипедом соседей, и застыла как вкопанная.

Парень деловито обошел ее, нашарил в кармане перчатку и надел на правую руку прежде чем коснуться косяка двери.

– Надо звонить в полицию, – пробормотала Лара, входя следом за ним во взломанную квартиру.

Ее уютную двухкомнатную берлогу перевернули вверх дном, и даже свет в туалете остался непогашенным. Лара растерянно бродила из комнаты в кухню, из кухни в коридор,

не зная, что надо делать. Взломщики залезли везде – нашли даже мусорный бак под раковиной, который теперь валялся на боку под столом.

– Меня называют Кротом, – внезапно подал голос парень, так и оставшийся стоять у входа.

– А на самом деле? – Лара поморщилась, вспомнив, какие прозвища давали друг другу ее собственные ученики. – Меня вот Лариса Ар...

Она сообразила, что Крот, пусть и выглядит на семнадцать, совершенно не обязан звать ее по имени-отчеству. А еще он не был ее учеником и имел право отзываться на любую кличку по собственному усмотрению. Пускай будет Крот – все лучше, чем Пупырыш или Мутаген.

– Меня зовут Лара.

Парень кивнул, тут же переходя на «ты».

– Будешь звонить участковому?

– Почему ты шел за мной? – этот вопрос казался ей намного актуальнее.

– Решил убедиться, что все будет окей, – он пожал плечами. – Эти ребята выглядели странно. Твоя сумка была не самой легкой добычей на переходе.

Странно. Очень верное слово. Лара поежилась, оглядывая бардак. Если вызвать участкового, то начнут составлять описание, протокол, снимать показания. В полицейских сериалах, конечно, показывали неправду, но все равно без бумажек никак. Значит, придется ехать ночевать к маме – оста-

ваться в квартире она не могла. Ее ключей нигде не было видно, но это уже не имело никакого значения.

Только представив, что каждой вещи, каждого ящика и даже нижнего белья касались чьи-то грязные лапы, Лара без сил рухнула на стул. Да когда же кончится эта полоса невезения!

– Я позвоню, – она сообразила, что Крот до сих пор ждет ответа. – Только...

Признаться семнадцатилетнему сопляку, как ей до смерти осточертели нравоучения матери? Это было ниже ее достоинства. Хорошая хозяйка предложила бы кофе, он и так уже дважды помог ей, но...

– У меня предки живут на Комендане, – внезапно сказал Крот. – Бабка с дедом. В трешке. Если негде переночевать.

Лара поймала себя на том, что готова согласиться, несмотря на весь ужас ситуации. Ехать одной к незнакомому парню, да еще и на Комендантский проспект, до которого на метро через центр не меньше часа езды... Голова шла кругом – от переживаний и полного отсутствия объяснений случившемуся.

Если мир сошел с ума, то спрыгнуть уже все равно не получится.

– Негде, – кивнула она вставая. – Я быстро, только вещи собираю.

Глава 7. Обманщица

На трехчасовое совещание начальники отделов подтягивались вяло – и Маэстро отчасти понимал их ворчание. С утра обсуждение шло не в пример бодрее, каждый приходил с кружкой любимой бурды, отчитывался о результатах и, получив задание, отправлялся навстречу новому рабочему дню. После обеда вылезать из кресла и вспоминать, что именно хотел услышать начальник, не хотелось. Но в Институте платили не за комфортную работу, а за сделанную. Поэтому бурчание Маэстро спускал с рук, а пропуски совещаний – только по очень уважительной причине.

На этот раз доклады казались ему бесконечными, а подчиненные – особенно сонными. На выходе Маэстро коснулся локтя Марата – ведущего программиста, чей стаж в Институте на пару лет превышал его собственный. Правда, Марат был младше лет на десять и сидел на своей должности без малейшего желания двигаться вверх.

– Сегодня приходила Лариса Беркутова.

Программисту понадобилось секунд десять, чтобы сложить А и Б.

– Не представляю, каково ей... Думала узнать что-то о Коле?

– Ты разговаривал с ним в тот день?

Оба знали, о каком дне шла речь. Маэстро держал задание

Коли в секрете, но о пропаже ценного сотрудника знал весь Институт.

– Да, – Марат ненадолго задумался. – Он спрашивал о Германе, и я отправил его к Жеке. Все-таки они долго проработали вместе.

Маэстро рассеянно кивнул. Вернувшись в кабинет, он устался в окно, пытаясь поймать ускользавшую мысль. Жека и Герман – два сотрудника расформированного экспериментального отдела, которым заведовал Игорь Руничев. Тот самый Руничев... с чего бы Коле интересоваться его делами?

Он бросил взгляд на часы, в нетерпении барабанил пальцами по стеклу. Слишком много от Шуриков ждать не стоило, еще того меньше Маэстро ожидал от их поделеньников – домушников. Он не любил действовать впопыхах, такие планы редко выгорали – но в этот раз риск того стоил. Стоило ему заметить флешку у Ларисы, как счет пошел на минуты. Он много раз видел треклятую утку в руках Коленьки, и даже смутно припомнил, как тот намекал, что в ней – ключ от рабочего компьютера. Все, что найдется в квартире – станет приятным бонусом.

Маэстро задумчиво почесал в затылке при мысли о том, сколько Шурики попросят за внезапность, а еще за то, что работать придется в общественном транспорте, в толпе людей. За такое они брались только в самых крайних случаях. Тертые калачи, дело знали туго – и знали, что своя шкура до-

роже нулей в кармане. Маэстро вздохнул, проводив взглядом преданного Василича, собиравшегося домой. Нечего парню в это впутываться, рановато еще. Шурики подозрительные, что твой черт – еще адрес потребуют и родословную до пятого колена.

Родословная Василича у Маэстро имелась, но делиться секретами он не любил.

Хлопнула дверь, профессор остался в одиночестве. Время близилось к четырем, но раньше половины шестого Шурики обычно не показывались. Они приходили вечером, даже если задание было готово к десяти утра. Не любили при свете ни работать, ни сдавать дела, а в белые ночи и вовсе только за дополнительный куш. Маэстро крякнул и полез в верхний ящик стола, проверяя, на месте ли конверт. Не хотели люди за идею работать, была идея да вся вышла.

Эх, Коленька, Коля... Ты был из тех, кто работал если не за идею, то хотя бы за совесть. Где теперь такого отыщешь?

Визиту бывшей жены Маэстро не удивился – но, откровенно говоря, визит изрядно запоздал. Больше двух месяцев прошло, а она только соизволила явиться. Другая бы первым делом на работу побежала выяснять, что да как. Тут ведь и любовница могла быть, и другой конфликт. Но нет, даже не почесалась!

Маэстро с неудовольствием уставился в окно. Работу надо продолжать, нечего киснуть. Подумаешь, пришла fifa,

всколыхнула старую занозу. На вид – ни кожи, ни рожи, и что Коленька в ней нашел? Молодой был, не разглядел за фасадом. А теперь что ж, время горевать давно вышло.

Маэстро поднялся, развернул к себе кульман. Чертеж вышел небрежным, без основной надписи и даже рамка обозначена весьма приблизительно. Осталось совсем немного – по большому счету, последние месяцы Маэстро больше наводил лоск, вся основная «начинка» давно уже стояла в цеху, подвергаясь самым изощренным испытаниям, какие только мог изобрести начальник отдела технического контроля. Но Маэстро слушал его доклады вполуха – главным беспокойством оставалось отсутствие опытного материала. Руки так и чесались испытать, наконец, чудо-зверя, но ведь надо-то наверняка! Не на кроликах и не в климатических камерах – а поймать, наконец, взять за горло одного из гадов, чтобы заглянуть в полные страха глаза и убедиться, что все эти годы работы были не зря.

И тогда предательство Руничева перестанет терзать его.

Если бы не Шурики, Маэстро уже сейчас торопился бы вниз, на экспериментальный этаж. Но порядок должен быть во всем – сначала отчет, а завтра можно и с железом повозиться, не привыкать.

Маэстро подцепил мизинцем папку с края стола и еще раз пробежал документацию глазами. Все должно работать, компьютер давно уже выдает гарантию успеха в восемьдесят девять и пять десятых процента, но ведь симулятор – это вам

не живое существо.

И все-таки зачем Коля интересовался Руничевым?

В дверь постучали.

– Можно? – голова одного из Шуриков просунулась в небольшую щель.

– Проходите, давайте, – замахал на них рукой Маэстро. – Побыстрее!

При мысли о том, что обтянутый брюками жирный Шуриков зад торчит на всеобщее обозрение в коридоре, зубы свело болью.

Шурики ввалились в кабинет, который внезапно стал невероятно тесен. Оба носили одинаковые черные пиджаки и вельветовые брюки, делавшие их фигуры еще более нескладными. Шурик номер два держал в руках небольшой пакетик, а номер один – сложенную рулоном газету «Комсомольская правда». Маэстро машинально отвернул кульман к стене, хотя практического смысла в этом не было никакого. Вряд ли визитеры знали, что это предмет, а не еврейская фамилия.

– Ну что?

– Хату проверили. Бабская хата, ничего особенного.

Маэстро вздохнул. Ровно как он и подозревал.

– Шмотки, цацки, журналы эти везде... – Шурик номер один запнулся. – Гламуровые, вот. Хахаля вроде не водит.

– Холодильник пустой, – добавил Шурик номер два.

Маэстро быстро протянул первому конверт, который

мгновенно исчез в широком кармане помятого пиджака.

– Спасибо, ребяташки, – Маэстро кивнул и встал у окна. – Дело, конечно, того не стоило, но все равно спасибо. С сумочкой не выгорело, я уже понял. Жаль, жаль...

Он поцокал языком.

Шурики молчали, потом номер один забрал у второго пакет.

– Мы еще в мусоре пошарили, – Маэстро скривился. – Нашли вот. Может, что важное.

Что можно выудить из мусора в квартире приглауренной дуры? Маэстро на мгновение вскинул глаза к потолку. Из пакета Шурик достал второй пакет, прозрачный – и в нем болталось что-то мокрое, похожее на детскую игрушку, но определенно биологического происхождения.

Ярко-фиолетового цвета с шипами.

Маэстро стало нехорошо. Шурики, не дожидаясь его реакции, положили на стол газету и развернули, явив взгляду профессора скомканный исписанный лист бумаги. Маэстро осторожно, двумя пальцами развернул листок и начал читать.

– Оставьте... – прошептал он. – Идите, идите. И это...

Неужели свершилось? Он боялся произнести свою мысль вслух, поэтому выбрал обходной путь.

– Проследите за ней. Обычная такса. Адрес знаете.

Шурики синхронно кивнули и скрылись за дверью. Задавать вопросы они не любили и занимались этим, только ко-

гда вознаграждение казалось недостаточным.

Маэстро завернул пакет в газету и торопливо вышел. В мозгу настойчиво звенела мысль о том, что она сама пришла к нему... сама, по доброй воле! И он дал мерзавке уйти живой и невредимой! Старый дурак, слепец!

В лифте ему встретился Михалыч – зам главного энергетика, лысенький холостяк, любивший засиживаться допоздна, играя в танчики. Маэстро лишь торопливо кивнул, хотя по лицу Михалыча было ясно – тот бы не отказался пропустить по стакану пивчанского и пожаловаться на жену, которая давно бросила его и даже отсудила приличные алименты. Маэстро все его истории знал наизусть, потому что Михалыч и в трезвом виде говорил на единственно важную для него тему.

Но сейчас кое-что было намного важнее.

Маэстро запер за собой дверь экспериментальной лаборатории – по сути, главной комнаты уже не существовавшего отдела, отобранного давным-давно у Руничева. С передвижного металлического столика полетели на пол ошметки силиконовых трубок и пара саморезов. Маэстро, едва дыша, расстелил кусок полиэтилена и осторожно выложил содержимое принесенного Шуриками свертка.

Безусловно, это была не игрушка. Он поворачивал мокрый комок и так и сяк, пытаясь представить на его месте кошку или хомяка. Но у домашних животных не бывает такого шипастого хвоста и длинной, похожей на крокодилию

пасти с двумя рядами острых клыков. Это определенно мало напоминало домашних игуан, ставших популярными в последнее время. То, что лежало на столе, совершенно точно не походило на что-либо из известного ему животного мира. И цвет... в природе не существует настолько ярких цветов, такие краски возможны лишь в мире технологий.

И мире колдовства.

Что делал этот странный комок в квартире бывшей жены Николая? Почему Шурики принесли ему детские каракули, в которых описан фиолетовый дракон? Совпадение?

Картина внезапно предстала перед глазами Маэстро так ярко, как никогда прежде. Ну конечно же! Разумеется, ей это и в голову не пришло раньше, какая ерунда! Ведь эта вертихвостка с самого начала знала, с самого начала принимала участие во всем. Потому что она с ними заодно! С этими шарлатанами, упырями, невесть кем еще, погубившими его мальчика. И не постеснялась же разыграть перед ним святую наивность!

Профессор оскалился и погрозил пальцем неведомо кому.

Приходить прямо в лапы к Маэстро было слишком рискованно, слишком самонадеянно. Обратного хода, дорогуша, уже не будет.

Глава 8. Мастер Артели чудотворцев

Работа архивариусом – или библиотекарем, кому как удобнее – считалась не только унылой, но и совершенно бесперспективной. В Артели давно поговаривали, что главным скорее изберут кого-то вообще не из Круга, чем того, кому положено знать все секреты и присутствовать на всех заседаниях. Калидас вспомнил, с какой усмешкой смотрели на него остальные, когда тайным голосованием Мастером выбрали Глостера – на два десятка лет его младше! Единственным сомнительным преимуществом было то, что архивариус жил в самом Охотничьем замке. Когда пустили маршруты в Кронштадт, добираться общественным транспортом стало хоть немного легче, но с того момента, как Артель разместилась в бывшем особняке Стейнбок-Ферморов, удаленность от центра и основных магистралей доставляла чудотворцам изрядные неудобства.

Если верить архивам, до Второй Мировой смельчаки отваживались приплывать на лодках, но Калидас видел в этом одно ребячество. Лучше трястись в конке или даже крутить несколько часов педали, чем положиться на благосклонность капризного Финского залива.

Он спустился по железной лестнице, еще раз напомнив се-

бе почаще наведываться в обсерваторию – птицы повадились гадить даже в едва приоткрытые окна мансарды, несмотря на пугало, снабженное парочкой безобидных шутих. Архивариус прошел длинным коридором, чутко прислушиваясь к скрипу паркетных половиц под ногами – ремонт с каждым годом нависал над усадьбой все с большей неизбежностью, но Малый Круг упрямо голосовал... за перенос голосования по этому вопросу. Отчасти Калидас понимал их – замок так и не стал домом для членов Артели, а рисковать хрупким подобием секретности никому не хотелось.

Калидас протянул руку, чтобы постучать в обитую дерматином дверь, но та сама распахнулась ему навстречу. Обычные шуточки Глостера, пора бы привыкнуть. Мастер всегда знал, кто стоит за дверью, а иногда – тут Калидас мог лишь догадываться – даже знал, зачем к нему пришли.

– Здорово, дружище! – глава Артели не поленился подняться из кожаного кресла, чтобы протянуть руку и хлопнуть архивариуса по плечу. – Заметил твою кислую физиономию на последнем собрании. Было так ужасно?

Что бы Жанна ни говорила, Калидасу Глостер нравился. Тонкие черты лица, довольно высокий, темные, коротко стриженные волосы и привычная панибратская манера вести разговор. Мастер не любил тратить время на пустые разговоры – даже чаепитие умел превратить в деловое совещание, а уж попойку... тут Калидас просто снимал шляпу. В Глостере было обаяние, которого Калидасу отчаянно не хватало

самому.

Но Калидас знал Глостера с детства – когда тот еще ходил пешком под стол, если мать приводила его вечерами на заседания Малого Круга. Он знал всех и каждого, быстро учился и показывал великолепные результаты. Калидас вспомнил, что Глостеру стали поручать задания по обеспечению безопасности Артели раньше, чем кому-либо на его памяти.

Тут он сообразил, что Мастер все еще ждет ответа.

– Нет, то есть... Нет, я вовсе не по этому поводу. Все прошло нормально, ты и сам знаешь. Они опять съехали с темы, даже со всех тем разом.

Глостер усмехнулся.

– А ты все переживаешь, что динамики рождаемости нет? Что поделаешь, эмансипация добралась и до Артели. Моя мать считает, что мужчины не должны запирают женщин у плиты, представляешь? А ведь она всю жизнь при Союзе прожила, из них лет двадцать – в коммуналке!

Архивариус невольно оглядел кабинет, в котором лишь недавно, после выборов, стал бывать регулярно и больше как друг. Глостер не заботился о свободном пространстве, поэтому занял эркер большим рабочим столом; в кабинете, все стены которого занимали книжные стеллажи, не осталось места даже для журнальной тумбы. Калидас много раз предлагал ему расширить пространство, замок это вполне позволял – но Мастер лишь отшучивался.

– Еще что-нибудь на повестке? Или я уже могу, наконец,

предложить тебе чаю?

Калидас сообразил, что опять витал в облаках.

– Да это... – он замялся. – Принес новый номер «Желтого угла»... Очередная каляка от нашего общего знакомого.

По лицу Мастера пробежала тень, но он повторно хлопнул архивариуса по плечу и вернулся за стол.

– Садись-садись, в ногах правды нет, дружище. Рвешься в бой? Но с кем драться, ты мне скажи? С этим «Ды. Лы»?

– Это...

– погоди, ты думаешь, это Маэстро. Допустим. Не перебивай. И ты предлагаешь конкретно что? Опровержение? Но что мы напишем? Что какая-то институтская шишка пишет махровый бред в желтую газетенку? А разве ему кто-то запрещает, а? Или предлагаешь написать такое же про Институт? Фантазия-то у тебя богатая, я не сомневаюсь...

Глостер ухмыльнулся, и Калидасу стало жарко. Если он знал об их отношениях с Жанной, просто увольнением ассистентки дело не кончится.

– Я думаю написать в редакцию, – уточнил он. – С требованием опровержения информации, как недоказанной.

– От себя лично?

– Ну... – в вопросе крылся подвох. – Даже от себя лично. Или...

Глостер печально покачал головой и достал из верхнего ящика стола трубку и табак. Не торопясь набил, закурил и пустил колечко дыма в раскрытую форточку.

– Все хочу научиться, как Гэндальф у Толкиена. А что касается редакции – он же приплатил за эту статью, наш тайный поклонник. Понимаешь, дружище? А кто платит – тот девушку и танцует. Поэтому о жалобе они ему радостно общат. Ты что же, хочешь Маэстро свое настоящее имя раскрыть? Или будешь от лица колдунов-затейников жаловаться? Так лучшего доказательства ему не сыскать!

Калидас шепотом выругался, признавая поражение.

– Но ты нос не вешай, – Глостер отложил трубку и вытащил из-под груды исписанных от руки листов с расчетами свежий номер «Комсомолки». – Давай лучше о серьезном. Я заметил, ты пытался поддержать меня на собрании, но из этого вышло мало толку. Всем подавай информацию, доказательства! Чертов Гугл поработил разум. Мы должны, наконец, обнаружить, где эти мрази засели и выкурить оттуда раз и навсегда. Я тут периодически прогуливаюсь, проверяю разные наводки...

– С ума сошел! – выпалил Калидас, начисто забыв про субординацию. – Они же тебя придушат, как котенка! Тем более, если у них появился...

– Спасибо за высокое мнение о моих способностях к самозащите, – Глостер усмехнулся, показывая, что не обиделся. – Я осторожен. Но больше беспокоюсь, что до сих пор ничего не нашел, хотя, признаюсь – старался. И не думаю, что у ордена появился Магистр. Сколько лет назад помер последний?

– С десяток будет, – Калидас пожал плечами. – Но они всегда возвращаются, Глеб. Хорошо прячутся и следы замечают. Да еще похищения – слишком все сходится.

Мастер едва заметно кивнул.

– Они стали сильнее, понимаешь? Орден де Бирса возродился – осталось понять, как и кем, черт побери, – архивариус в раздражении мял в руках выпуск «Желтого угла».

– Были бы у нас материалы следствия, – пробормотал Глостер, рассеянно листая «Комсомолку». – Но Рамиль давно на пенсии, и делиться с ним никто не станет, я уже пытался его расспрашивать.

Лучший повар Артели проработал в управлении МВД по Петербургу неполных тридцать лет, и до сих пор был вхож в некоторые отделы, закрытые для обычной публики. Но Калидас понимал, что до деталей такого резонансного дела тех, кто служил ему источником информации, все равно не допустят.

Внезапно холеная, тонкая рука Глостера замерла на полпути. Взгляд остекленел, Мастер водил пальцем по строчкам, перечитывая несколько раз один и тот же заголовок и маленькую заметку под ним, потом резко вскочил на ноги.

– Прошу прощения, дружище, срочное дело. Но мы ведь с тобой, как две сороки-наседки, все уже обсудили?

Калидас помолчал, ожидая продолжения, но его не последовало. Глостер лихорадочно промчался вдоль стеллажей, сдернув по пути свой темный плащ и нахлобучив невпо-

пад широкополюю шляпу. Калидас поднялся, снедаемый любопытством, но Глостер, казалось, и не замечал его жадно скользящего по газете взгляда.

– Ладно, пойду, – пробормотал архивариус себе под нос, но с места не тронулся. – Чучелу надо что-то более сильное приделать, не пугаются пернатые пуканья и гуканья, хоть тресни.

Глостер кивнул, явно погруженный в свои мысли, махнул ему рукой и пулей вылетел в коридор. Калидас взял газету со стола: «Полиция раскрыла имя одного из похищенных две недели назад. Мужчина найден мертвым в подъезде собственного дома».

В заметке было лишь несколько предложений. Мужчина, за сорок, пропал две недели назад, а вчера поздно вечером был найден в бессознательном состоянии у дверей квартиры, из которой исчез, и вскоре скончался, не приходя в сознание. Кроме этого сообщалось, что родственников у него не было.

Игорь Руничев. Калидас поморщился. Почему Глостер сорвался, прочтя заметку? Ему самому имя не говорило ничего – и чудотворцем этот мужчина точно не был. Архивариус вышел из кабинета, плотно притворив за собой дверь, и вернулся к мыслям о Маэстро и его статьях.

С одной стороны – Жанна права. Они сидят без дела очень долго, их становится все меньше, а новые чудотворцы рождаются все реже, даже материнский капитал не помогает. Некроманты – лишь одна из проблем, но разве можно поз-

волять чернить себя кому ни попадя?!

Но с другой стороны прав и Глостер. Нельзя вот так писать бумажки направо и налево, да еще подписываясь собственным именем. А если вымышленным – сейчас такое и читать не будут, это вам не ВикиЛикс. Калидас добрался до библиотеки, привычно набросил на чучело пиджак и распахнул окно. Для очистки подоконника хватило пары бытовых хаст с простейшей системой уравнений – сушая ерунда. Зря он накинудся на Глостера – тому, поди, быстро наскучило сидеть в кабинете и покуривать трубку, вот и рвался к приключениям. Калидас бросил взгляд на часы – половина третьего, и впереди еще куча работы, пока не появится Жанна и не развеет его тоску.

Он вздохнул, скомкал экземпляр «Желтого угла» и точным ударом отправил через пол прямо на кухню, к Рамилю, после чего уселся на подоконник в ожидании неминуемого скандала.

Глава 9. Дома у Крота

Крот оказался не сторонником легких путей. Вместо того чтобы уютно устроиться в метро и доехать с Гражданки до Комендани пусть и с пересадкой, пусть за час, но в полном покое, он потащил Лару на остановку автобуса, который ехал до «Пионерской». Автобусы Лара не очень любила, тем более народу набилось много, кто-то наступил ей на ногу, а кто-то едва не упал, когда водитель стартанул с места так, словно за ним гнались бандиты. Крот ничего не заметил, но зато предложил ей сесть, когда освободилось ближайшее сидение. По мере приближения к Приморскому району, Лару все больше терзали сомнения.

С нынешними веяниями в законодательстве это тянуло на соращение малолетнего. И ничего, что она школьная учительница – Крот ведь из другой школы. И восемнадцати ему, скорее всего, нет. Его дед мог оказаться генералом в отставке и спустить ее с лестницы. Или бабка окажется чокнутой и начнет их «женить». Она торопливо достала телефон и перечитала гороскоп, который уже успел поменяться с утра.

«Судьбоносные встречи редко выглядят таковыми. Не упускайте ваш шанс».

Ну хорошо, упускать она не будет. Но поостеречься стоило. Лара с трудом дозвонилась до участкового, который

в прошлом году помогал ей тащить новую тумбочку и долго потом напрашивался на чай, рассказала о взломе и сказала, что будет ночевать у подруги. Когда дотошный мужик попытался выяснить, где подруга живет, она повесила трубку.

– Либо вы не расстроены, либо этот участковый – мудак, – нависая над ней прокомментировал Крот. – Короткий разговор получился.

Лара вздрогнула. Он говорил четко, но шепотом, и окружающие явно не расслышали ни единого слова.

– Нет, просто... Не хочу навязывать следствию свое мнение, – выкрутилась она и отвернулась.

На Комендантской площади, где Лара была последний раз несколько лет назад, многое изменилось. Круглый торговый центр прямо посередине достроили, сделав в нем подземный выход из метро, со всех сторон агрессивно наступали вывески центров поменьше и пожиже. Сойдя на остановке, они двинулись через дворы прямо к большой восемнадцатизэтажке – Лара с опаской задрала голову, разглядывая смутно виднеющиеся очертания крыши. Если его «предки» живут на самой высоте...

Ей повезло – лифт отвез их на восьмой этаж, где Крот гордо отпер дверь и буквально втолкнул смущенную Лару в ярко освещенный коридор – раза в два больше коридора в ее маленькой двухкомнатной квартирке.

– Ба, я дома! – заорал парень, скидывая куртку и ботинки. – Со мной гости!

Лара не стала разуваться, подозревая, что сейчас ее отправят восвояси и правильно сделают. Дверь прямо напротив открылась с легким скрипом, и в коридор выплыла маленькая круглая старушка, едва достававшая Ларе до плеча.

– Это Лара, – кивнул Крот. – А это Наина Романовна, моя ба. Я предложил ей переночевать, потому что ее хату только что обнесли. И еще в метро пытались сумку вырвать, уроды. Я их прогнал.

– Батюшки-светы! – ахнула старушка, помогая Ларе снять куртку. – Ты что же, видел их, Кирюшка?

Все-таки Кирилл. Лару обрадовало наличие у Крота обычного, человеческого имени.

– Угу, – парень уже ковырялся в холодильнике и отвечал с трудом.

– А вы, Ларочка, как с Кирюшкой познакомились-то? – Наина Романовна повела ее в кухню, оклеенную рельефными терракотовыми обоями. – В этой его... гей... гейм-зоне, что ли?

Крот чуть не поперхнулся, но прожевав, расхохотался. Лара не сдержала улыбки.

– Я в школе работаю, – объяснение получилось невнятным. – Учителем русского и литературы.

– Невероятно! – Наина Романовна просияла словно маков цвет. – Хоть кто-то за него решил взяться, это же кошмар! Ничего не делает, Ларочка. Учиться не хочет, работать не работает, скоро в армию – так говорит его по зрению не возъ-

мут. Зрение-то и правда дрянь, но ведь работать это не мешает! Прошу вас, повлияйте хоть немного! Мы уж и руки опустили с дедом. Голова золотая, на бесплатное бы поступил в институт – так нет, отказывается наотрез!

Лара смущенно уставилась в пол, искоса поглядывая на Крота. Вряд ли парень рассчитывал на такой эффект. Он уже не смеялся, но и особо расстроенным не выглядел.

– Да вы садитесь! Двигайся, лоботряс, – Наина Романовна беззлобно пихнула внука под бок, усаживая Лару на низенький диван. – Вам супу налить? Только сварила, вот как чувствовала, что Кирюшка скоро явится.

Супу? Лара испуганно посмотрела на Крота. Она ведь только переночевать, это...

Но отказать было невежливо – да и если честно, бесполезно, потому что старушка уже орудовала у большой плиты, разливая суп по тарелкам. Вопрос, очевидно, считался риторическим. Зато пока никто не обвинял ее в растлении. Лара вздохнула свободнее и отдала должное позднему обеду, который бабушка Крота готовила как настоящая еврейка – просто божественно.

К восьми часам пришел и дедушка – Альберт Геннадиевич, очень моложавый старик в легких джинсовых брюках и забавной кепке. Он тоже выразил надежду, что Лара поможет наставить внука на путь истинный, но с ним у Крота все было слажено гораздо проще. Дед, очевидно, совершенно не умел сердиться на парня.

– Русский и литература – это хорошо, – важно кивал он, поглощая выданный ему суп. – А что там приятели твои, ги-ки эти? Работу нашли?

В компьютерной терминологии Альберт Геннадиевич разбирался лучше супруги.

– Неа, – буркнул Крот, не отрываясь от планшета. – По-сылают везде. Восемнадцать нет и все дела. Только если курьерами на полставки. И куда нам всем, в курьеры, что ли?

– В Макдональдсе вроде можно, – неуверенно предположила Лара. – Там постоянно объявления висят.

– Не берут, – помотал головой парень. – Надо чтобы восемнадцать, трудовая, посменная работа. Типа такие малолетки ни на что не годны, гамбургер правильно завернуть не смогут.

Он ухмыльнулся, но как-то грустно. Похоже, вопрос работы действительно мучил его, несмотря на бабушкин скепсис. Хороший парень, если не хочет сидеть на шее у стариков пока не помрут.

– Но ведь какая-то работа да есть? – опасливо посмотрела на мужа Наина Романовна. – Ты же...

Она умолкла. Но Лара поняла – деньги Крот все равно добывал, и если это не Макдональдс и не курьерство, то источник заработка вполне мог оказаться не слишком законным.

– Спокуха, ба! – буркнул парень. – Это я в компьютере сижу. За это тоже платят, прикинь?

Дед одобритительно крякнул и потянулся за пультом от ма-

ленького телевизора, притулившегося в углу. В кухню, еще минуту назад такую домашнюю и тихую, ворвался писклявый голос ведущей очередного ток-шоу про любовь. Лара поежилась – подобные передачи она терпеть не могла за полный отрыв от реальности. Женщины попадали туда настолько страшные, что после этого она неделю чувствовала себя королевой красоты, только без принца, а мужчины попадались разные, но каждый раз требовали от избранницы такого, что волосы вставали дыбом. Судя по всему, Наина Романовна разделяла ее отношение:

– Алик, переключи ты бога ради, – взмолилась она, отвернувшись к плите. – Мои барабанные перепонки не выдержат этого пороссячьего визга.

Дед ухмыльнулся, но просьбу жены исполнил. Промотав пару музыкальных каналов, он несколько минут уделил новому историческому сериалу, но в итоге махнул рукой со словами «Да что же они в самом деле безмозглые такие!» и включил новости. Лара выдохнула. Крот, казалось, и вовсе не заметил телевизора, полностью погрузившись в планшет.

– ... новых сообщений о пропажах не поступало. Глава управления внутренних дел по Санкт-Петербургу Арсен Виногорадов уточнил, что МВД пока не квалифицирует события в целом как террористический акт. Население просят не поддаваться панике и не реагировать на возможные провокации.

– Пропадали люди среди бела дня, – Наина Романовна расстроено покачала головой. – Ну а наши балбесы так ни-

чего и не выяснили, знай пузо отрачивают. Пока президенту кто-нибудь на горячую линию не позвонит – так и будут бить баклуши.

Лара не удержалась и быстро посмотрела на Крота, который, несмотря на очки, взгляд заметил.

– У вас кто-то пропал, Лариса? Неужели...

Старики встревоженно повернулись к Ларе. Она замялась, вспомнив утренний разговор с профессором Лодиным.

– Да нет... я точно не знаю. Муж, бывший, – поспешила она уточнить. – Но это давно было, до того, как...

– Ушел и не вернулся? Мусор пошел выносить? – Крот заинтересованно оторвался от планшета.

– На работу ушел, – зло буркнула Лара. – И не вернулся, потом со мной адвокат только разговаривал. Так что вряд ли его кто-то похитил.

Она не знала, верит ли до конца в то, что говорил Лодин. Ей хотелось верить – и вместе с тем надежда казалась слишком уж призрачной.

– Не мужик, значит, был, – жестко резюмировал Альберт Геннадиевич. – Если в глаза не смог посмотреть.

– Алик! – укоризненно покачала головой Наина Романовна.

Крот уткнулся обратно в планшет.

– Это правда, что они в одном месте пропадали? – Лара попыталась перевести разговор. – Я последнее время и не слушала особо.

Спорить с дедом Крота ей не хотелось. Это ведь она жила вместе с Николя, просыпалась рядом в постели, потягивала кофе, шаловливо касаясь босой ногой его щиколотки. Такое не перескажешь.

– Да в разных местах, – Наина Романовна включила чайник и стала убирать тарелки. – В центре много, даже в сквере Старовойтовой кто-то пропал.

– Да там деревьев почти нет! – подал голос ее внук. – Как можно украсть человека в двух шагах от Октябрьского?

– Не знаю, вот так и можно! – отрезала Наина Романовна. – В нашем районе вроде тихо, я слежу. Даже вот, записала адреса и даты, каждый день жду, что поймают душегубцев.

– Да все ждут, пока рак на горе пукнет! – прервал ее муж, переключая на спортивный канал. – Ты не знаешь, разве, как у нас в стране дела делаются? Объявят потом, что это они сами себя с ума свели – и все.

Наина Романовна достала с полки под телевизором небольшой потрепанный блокнот и протянула Ларе.

– А вы из какого района, Ларочка?

– С Гражданки. В доме с библиотекой живу.

– А, помню, – кивнула Наина Романовна, заваривая ароматный крупнолистовой чай в пузатом керамическом чайнике. – Дальние родственники там жили, дальше по Просвещения.

Лара пробежала глазами по блокноту. Наина Романовна была не только гением кулинарии, но и весьма скрупулез-

но записывала все, что считала важным. В блокноте чередовались рецепты, советы по здоровью от разных гуру с экрана, рядом с некоторыми другими чернилами стояла пометка «Бред», прогнозы погоды и разные списки домашних дел.

– Что это? – Крот снова продемонстрировал умение быть в теме, несмотря на иллюзию погружения в планшет. – Что там ба понаписала опять? Как водяных заговаривать?

Наина Романовна только фыркнула. Лара покачала головой.

– И на телефон не отвечает?

Она не сразу поняла, что речь снова идет о Николае. Лара пожала плечами, но парень не отставал:

– А ты пинговать пробовала?

– Что делать?

– Даже если он выкинул симку, телефон можно запинговать. Для этого в него специальные данные вшиты. И каждый телефон есть в базе, у фбровцев есть, например.

Он многозначительно помолчал.

Хотя Лара постаралась никак не выдать свои эмоции, тело все равно среагировало.

– Я ничего такого не умею. Да и Николай...

– Он иностранец, что ли? – удивился Крот.

– Николай – это прозвище, – машинально ответила Лара. – В смысле его Николаем звали. Колей.

– «Коля, Коля, Николай – сиди дома, не гуляй», – тихонько пропела Наина Романовна старый советский шлягер. –

Давайте чай пить. Вы, Ларочка, так не волнуйтесь. Кирюшка у себя в компьютере пошаманит, может, и найдет чего о вашей пропаже. Вижу, что вы места себе не находите. А сколько уже времени-то прошло?

– Скоро три месяца будет.

– Обязательно что-нибудь пошаманит, Кирюшке такое интересно, – ободряюще улыбнулась старушка. – Все равно ему делать нечего.

Лара в нерешительности покосилась на парня. Тот кивнул и, не поднимая глаз, ловко стащил со стола кусок пирога с черникой.

Глава 10. Дом по Гороховой улице

Утром она проснулась рано, но Альберта Геннадиевича уже не застала. Наина Романовна шепотом позвала ее к столу.

– Кирюшка опять лег в полпятого, – сокрушалась хлебо-сольная женщина, выставляя на стол минимум половину холодильника. – Совершенно не думает о режиме, дед уже мозоль на языке натер.

Лара подумала о том, как обходилась эти годы чашкой кофе и ржаным хлебцем, но овсянка у бабушки Крота оказалась такой вкусной, что она забыла про фигуру, диеты и умяла тарелку, обильно политую малиновым вареньем, в несколько минут, еле найдя в себе силы отказаться от добавки.

– Он действительно может пойти учиться в крутой институт, – задумчиво потянула Лара, восхищенно наблюдая за шапкой из молочной пены, которую Наина Романовна потихоньку вливала в кофе. – Сейчас ведь нужно только отнести результаты ЕГЭ.

– Кирюша думает, что придется учить много лишнего, а полезному его не научат. Не хочет тратить время на физику и лирику, а программирует он и так хорошо.

– Но без диплома...

Наина Романовна кивнула. В России твои оценки ниче-

го не значили, но само наличие «корочки» порой являлось определяющим при приеме на работу.

Виновник беспокойства встал только к одиннадцати, зато позавтракал очень быстро, проигнорировав кашу, чем едва не довел бабушку до слез. Потом принес из комнаты планшет, который издавал непрерывную гнусавую вибрацию.

– Гороховая, четыре. Пару минут назад.

Лара и Наина Романовна уставились на него, ничего не понимая. Парню потребовалось несколько секунд, чтобы уловить замешательство.

– Телефон, – пояснил он, не поднимая глаз. – Я поставил его на пинг ночью. Думал, действительно выкинули.

Лара тихо охнула, стараясь унять бешеный стук сердца. Никола, на Гороховой... это же... это же...

– Теперь, как «Адмиралтейскую» открыли – от нас до центра двадцать минут. Вы езжайте, Ларочка... а Кирюшка вас проводит, на всякий случай.

– Но...

Крот бросил планшет на диван и поднялся. Через минуту он уже обувал огромные ботинки в коридоре.

Лара долго благодарила хозяйку за гостеприимство.

– Ларочка, да бога ради, перестаньте! – отмахнулась Наина Романовна. – Если вас домой не пустят, приезжайте и ночуйте. Мы с Аликом на дачу едем в выходные, под ногами мешаться не станем. Глядишь, Кирюшка за ум возьмется.

Парень только фыркнул.

– Пока, ба, – буркнул он, чмокая старушку в лоб. – Позвоню если что.

Они спустились в метро. Ларе нравились новые станции – например, на «Адмиралтейской», выходявшей почти к самому Эрмитажу, оформление очень ненавязчиво соответствовало названию. Лара вышла следом за Кротом на Малую Морскую, немедленно погрузившись в шумную атмосферу центра Питера, наполненную объявлениями о прогулках по каналам, иностранным говором и ревом машин.

Крот, хранивший молчание всю дорогу, заговорил только на подходе к Гороховой.

– Почему ты так хочешь его найти?

Лара ощутила едва заметное раздражение – и в ответ рассердилась сама.

– Хочу и все. Тебе не понять.

Крот не дал ей закончить.

– Зачем? Он тебя вроде как предал, дед правильно сказал.

– Твой дедушка чудесный человек, – поторопилась ответить Лара. – Но он не понимает. Тебе тоже не понять. Он моя половинка, я хочу узнать, что случилось. Должна быть причина. Может быть, у него проблемы, может быть... кто-то угрожал ему.

Она не стала распространяться о версии Дмитрия Аристарховича. Сейчас ее волновало другое:

– Это ведь незаконно, да? То, что ты сделал... пинговал? Ты взломал базу ФСБ?

Последний вопрос Лара задала шепотом, пока они стояли на светофоре. Крот лишь фыркнул и качнул головой:

– Они тоже достают данные через базу сотовых операторов. Как и я.

От Лары не ускользнуло, что вопрос законности парень обошел стороной.

По небу торопливо неслись белоснежные облака – старинные здания не давали ветру как следует разгуляться в центральной части города, поэтому здесь всегда было теплее, чем на окраинах. Они свернули на Гороховую и быстро отыскивали дом номер четыре. Под пронизывающим взглядом охранника из будки у соседнего здания Лара поежилась и схватила Крота за рукав. Он на охранника даже не взглянул и твердо рванул на себя старую дореволюционную дверь.

– Почитал про этот дом немного, – шепотом сообщил Крот, когда они оказались в узкой темной парадной. – Принадлежал доходному обществу «Саламандра». Стремное название, как по мне.

Лара кивнула. Это сейчас, когда мода на все фантастическое цвела пышным цветом, подобные названия уже никого не смущали. Но сто лет назад духи огня могли вызывать совсем другие ассоциации.

– Мы, наверное, не должны находиться здесь, – прошептала она. – Мне не понравилось, как смотрел охранник. Нас...

– Охранник? – Крот замер на месте, потом мотнул головой. – Это румынское посольство, он только и может, что

глазеть на прохожих. Смотри.

Он коснулся дужки своих замысловатых очков и стену парадной озарили два тоненьких светодиодных луча. Внезапно сверху послышались шаги, издававшие едва заметное эхо. Прежде чем Крот и Лара успели спрятаться, навстречу им торопливо спустился высокий мужчина в темном плаще и широкополой шляпе. Чтобы протиснуться к выходу, он развернулся боком и на мгновение его взгляд задержался на Ларе.

– Прошу прощения, – тихо пробормотал незнакомец, опуская глаза.

Лара поежилась – отчего-то подобное внимание ей совершенно не польстило. Мужчина скрылся на улице, но беспокойство осталось.

Крот начал подниматься по лестнице. Лара грустно оглядывала шикарные когда-то барельефы на светло-зеленом фоне, нуждавшиеся в реставрации. Вот располагайся рядом консульство какой-нибудь Франции... хотя, возможно, им тоже было бы все равно.

Лара испуганно прижималась к стене, невзирая на обшарпанность. Ей то и дело казалось, что сейчас из-за угла появится злой румынский спецназовец и возьмет их на мушку, требуя объяснить, что они тут делают и не шпионят ли. Она не представляла, как искать Николая – стучаться в каждую дверь и спрашивать, не заходил ли на огонек ее муж? Бывший, между прочим.

На площадке сразу под ними хлопнула дверь, послышались голоса. Снизу раздались торопливые шаги, и до Лары с Кротом долетели обрывки разговора:

– Да она чистая, квартира. Никаких отпечатков. Тело в морге давно.

– А документы?

Ларе показалось, что спрашивал давешний мужчина в шляпе – но ручаться она не могла.

– Все старье. Вряд ли его из-за них убили. Можете сами еще раз посмотреть.

Голос полицейского звучал натянуто, каждое слово давалось ему с заметным усилием. Крот потянул Лару к потемневшему окну и уселся на широкий подоконник.

Лара выглянула наружу и увидела большой по питерским меркам внутренний двор-колодец, в котором было еще несколько входных дверей. У одной из них стоял черный лимузин с флажками на бампере.

– Так куда...

Договорить она не успела. Из квартиры под ними вышло еще несколько человек, топоча словно стадо бизонов. Лара попятилась и схватилась за оконную ручку, которая внезапно оказалась не закреплена. Грохот падения отозвался троекратным оглушительным эхо.

Сердце у Лары ушло в пятки – она не знала за собой никакой особенной вины, но меньше всего хотела встречаться с полицией. Внизу резко стало тихо, потом кто-то начал под-

ниматься по лестнице.

– Эй! – Крот спрыгнул с подоконника и потянул ее за рукав. – Только ментов не хватало. Переждем в мансарде, они туда не заглянут.

Они быстро преодолели последний пролет и поднялись по железной лесенке под самую крышу. За потрепанной дверью с проржавевшей замочной скважиной скрывалась большая комната с тремя окнами в человеческий рост и балконом. Состояние пола внушало опасения, но Крот ловко провел Лару по брошенным поверх доскам вглубь мансарды.

– Дверь тут не запирается, но внутрь они не сунутся. Небезопасно и все такое. Подождем минут двадцать и спустимся. Фанаты Арбениной в этот дом все время ходят, они уже привыкли. Тут типа счастливая крыша, на которой надо загадывать желания.

Он презрительно скривился. Лару все это мало успокаивало. Она бы с радостью оказалась внизу, пусть даже это потребовало бы от нее небольшой беготни по старой дореволюционной лестнице.

– Брехня это все, – добавил парень. – Глупый мистический бред для заманивания туристов.

– Но ведь желание может исполниться, если очень верить, – возразила Лара, не понимая его горячности.

– Тихо!

Он схватил ее за плечо и потянул вниз. Они присели на корточки, скрючившись за выступом стены. На лестни-

це слышались осторожные неторопливые шаги. Сначала только одна пара ног. Один человек. За ним поднялся второй, и донеслись едва различимые голоса.

– Да какие шаги, кошка, наверное...

– Пойду крышу проверю. Совсем ополоумела школота.

Или сначала здесь посмотреть...

Голос первого Лара узнала – тот самый, в широкополой шляпе. Второй говорил басом и немного запинаясь.

– Да тут замок заело в прошлом веке еще, – кто-то подергал за дверь, но та не отворилась. – Крыша вероятнее. Идем уже.

Лара от волнения задержала дыхание, ожидая, что сейчас полицейский сделает несколько шагов по хлипким строительным доскам и обнаружит их.

Но звуки вместо этого только удалялись, пока совсем не стихли. Она выдохнула, выпуская воздух наружу маленькими порциями. Крот уже поднялся и двинулся к выходу. Лара задумчиво смотрела ему вслед – ее не оставляло ощущение, что мужчина в шляпе прекрасно знал, что не было никакой кошки. И, скорее всего, знал, где именно они прячутся.

Почему же он их не разоблачил?

Крот толкнул дверь плечом, но та не открылась.

– Вот старая хрень! – выругался он, нажимая сильнее.

Пару раз дернул за ручку. Снова налег плечом. Но дверь даже не шевельнулась.

– Кирилл... – пробормотала Лара, но он не слушал ее, сражаясь с замком. – Кирилл! Крот!

Парень обернулся.

– Нас заперли, – Лара прислонилась к стене и закрыла глаза. – Отсюда не выбраться.

Глава 11. Начало охоты

Верный Василич разбудил его в полвосьмого, осторожно приоткрыв дверь кабинета. Маэстро поднялся – разбитое тело отказывалось повиноваться, голова гудела, перед глазами витали мушки. Молча кивнув секретарю, он прошел в уборную, умылся и кое-как пальцами пригладил остатки поседевших волос. Мушки исчезли, но гул в затылке остался. Убрался ли он в лаборатории? Он едва не побежал вниз, чтобы проверить, но потом воспоминания начали возвращаться. Да, он все сделал правильно, и никаких следов не осталось.

Вместе с воспоминаниями вернулась ярость.

Бешеная, неподконтрольная ярость, которую Маэстро выплеснул вчера в кабинете, едва не повалив на пол кульман с чертежами. Но чертежи стоили дорого, и он ограничился тем, что свалил на пол пару цветочных горшков в приемной. Василич не сказал ни слова. Маэстро прошел к себе и запер дверь, нарушив традицию утреннего чая. Была мысль нарушить и традицию утренних совещаний, но время еще оставалось, и он решил потерпеть.

Эта бабенка поплатится за все, что натворила. Подумать только – имела наглость прийти к нему в кабинет, в его Институт, в святая святых и разыграть спектакль! Несмотря на то что мысли бежали по уже привычному кругу, Маэстро не давал себе труда прервать их. Мерзавка! Сначала окрути-

ла Николая, потом сжила со свету, а теперь и к нему подбегается!

Не на того напали!

Увлёкшись, Маэстро что есть силы ударил кулаком по столу. Стол – ещё старый, советский – выдержал, но жалобно крикнул. За стенкой Василич встал было, но сел обратно, и Маэстро мысленно похвалил секретаря. Знает, когда соваться, а когда лучше оставить начальника одного.

Первым делом он позвонил Шурикам, как всегда теряясь в догадках, кто из двоих берет трубку.

– Найдите ее, – прохрипел Маэстро, уже жалея, что не начал утро с чая. – Найдите и не спускайте глаз, вам ясно?

В трубке раздалось невнятное бормотание, которое означало некоторые трудности, связанные с тем, что после обыска дамочка сбежала из квартиры и не вернулась.

– Вы меня слышали, – процедил Маэстро, не особо вслушиваясь. – Найти и не спускать глаз. Сообщать о любом подозрительном визите и контактах. Отбой.

Он прервал звонок, чтобы не слушать дальнейшее нытье. Шурики любили поиграть в театр, но Маэстро быстро раскусил их и сразу фиксировал цену и условия. Слежку он им заказывал не в первый раз, такса была стандартной. Маэстро вытащил из ящика стола чистый лист бумаги и проверил, пишет ли дорогой «Монблан», подаренный коллегами на юбилей. Обычно подарки от коллектива не вызывали ничего, кроме зубной боли, но в тот единственный раз они уга-

дали. Монблан вытеснил остальные ручки, и Василичу было поручено следить за тем, что в нем не кончались чернила.

Маэстро посмотрел в окно и начал писать. Буквы выходили ровными строчками из-под пера, он привычно выводил знакомые обращения и формулировки, отточенные годами общения с канцелярскими крысами всех уровней. Адресат и на этот раз был крысой, хоть и носил погоны и требовал от подчиненных отдавать честь. Маэстро перечитал написанное и остался доволен – впрочем, он писал грамотно и крайне редко нуждался в новом листе бумаги.

За окном бежали тучи – дождь то собирался, то в нерешительности отступал. Маэстро вспомнил, как радовался, что ему достался кабинет с окнами на проспект Стачек, а не во внутренний двор, тогда еще не закрытый куполом. С тех пор многое изменилось. Теперь он бы предпочел окна на парк Девятого января, но при мысли о переезде с насиженного места подступала меланхолия.

Впрочем, если сообщница колдунов выведет его на всю банду, можно будет праздновать победу и в новом кабинете. Маэстро взглянул на часы – до совещания оставалось каких-то десять минут. Как раз достаточно, чтобы сделать один звонок и отправить факс.

Маэстро быстро пролистал телефонную книгу и остановился на букве В. На противоположной стене кабинета ему отсвечивали стекла дипломов и сертификатов, аккуратно развешенные усердным Василичем. Ответа пришлось ждать

очень долго – но Маэстро предпочитал подождать несколько секунд вместо того, чтобы продираться через бесконечных секретарш и заместителей. Он давно усвоил – чем выше шишка, тем больше препон на пути к ней. Маэстро любил преодолевать преграды за одно усилие.

– Дмитрий Аристархович? – ворвался в ухо приятный с едва уловимым кавказским акцентом баритон. – Слушаю вас.

– Доброе утро, Арсен. Решил вас загрузить стариковской нудятиной с утра, чтобы день точно прошел хорошо.

Собеседник хмыкнул, но не слишком весело.

– Чем могу – помогу, Дмитрий Аристархович.

Маэстро расслышал и то, что глава Петербургского МВД вслух не произнес. «Только побыстрее, пожалуйста, не до вас сейчас». Впрочем, это было понятно и простительно.

– Я тут заявление написал, Арсен. На этот раз все по закону, ничего предосудительного. У меня помощник исчез, два месяца уже. Я думал сначала загулял парень, за границу рванул или просто лег на дно, но теперь вижу, что нет, дело серьезное. У меня подозрение есть, кому бы это было выгодно. Беспokoюсь только, чтобы под сукном не оказалось. Стоящий парень, золотые руки. Знаю, что не в больнице и не в морге – но это все слабое утешение для старика.

На том конце раздался едва слышный выдох. Арсен Виноградов явно рассчитывал на что-то более замысловатое.

– Я позвоню в УВД по вашему району, Дмитрий Аристар-

хович. Кировский, правильно? Отправляйте им заявление – факсом или письмом, рассмотрят и откроют дело. Это я вам обещаю.

Повисла небольшая пауза, и внезапно Арсен добавил:

– Вы там не усердствуйте слишком сильно, Дмитрий Аристархович. Лучше меньше, да лучше, так, кажется, у нас говорят? Понимаете меня?

Маэстро скрипнул зубами.

– Говорили с нашим общим знакомым?

– Есть моменты, которые не нужно проговаривать, – мягко возразил мвдешник. – Ветер перемен не всегда попутный. А заявление присылайте, как я сказал.

– Спасибо, дорогой, – Маэстро добавил проникновенных интонаций, с трудом сдерживая раздражение. – Спасибо, факсом отправлю. Бывай, дорогой.

В трубке щелкнуло.

Значит, у него мало времени – меньше, чем Маэстро рассчитывал. Кольцо сжималось, нужные люди теряли позиции или поворачивались спиной. Он должен был это предусмотреть – но человеческий фактор всегда самый непредсказуемый. Привычка полагаться только на себя была неотъемлемым условием выживания.

Маэстро вышел в приемную – там уже постепенно собирались начальники подразделений, невыспавшиеся и явно накрученные Василичем. Они переминались с ноги на ногу, не решаясь раскрыть и рта.

– Вот это отправь в Управление, – Маэстро сунул заявление секретарю. – И чаю всем сделай. Заходите, чего топчесь?

Пока те рассаживались, в дверь просунул голову Жека – институтский старожил, лентяй и мастер на все руки. Василий бросил на непрошеного гостя подозрительный взгляд, но Маэстро опередил его.

– Только вчера тебя вспоминал, – он распахнул дверь, наступая, вытолкнул схемотехника обратно в коридор и сам вышел следом.

Ничего, подождут немного. Все свои.

– Марат сказал, тебя Коля искал накануне своего... внезапного отъезда. Нашел?

Жека поморщился, словно от приступа зубной боли.

– Было дело, – признал он. – Но мы и покалякать толком не успели, так. Языками почесали – и все.

– А что ему надо было, помнишь?

Маэстро задал вопрос таким тоном, чтобы у Жеки не осталось сомнений – вспомнить ему придется.

– Да про давнишние дела расспрашивал, – Жека старательно воротил голову к окну. – Про экспериментальный отдел и про... Игоря. Ну я ему сказал, что все давно быльем поросло, а остальное в архиве. Все, что по монитору осталось. Но он все допытывался, как же пропали бумаги... он откуда-то знал, что они до вас... то есть нас...

– Ясно, – оборвал его Маэстро поспешнее, чем следовало.

По коридору торопливо двигался им навстречу начальник лаборатории Вениамин Исаакович – невообразимо худой, в синем поношенном халате и с растрепанной клинообразной бородкой.

– Коллеги, приветствую!

Маэстро досадливо крикнул, пожимая сухую, испещренную морщинами и пигментными пятнами руку. Изнутри поднималось горячее желание распустить совещание к ядерной матери и как следует подумать, запершись в кабинете.

Зачем Коленька полез туда, куда начальник его не посылал, и, главное – что он успел узнать? Маэстро боялся не за реноме, а скорее, безотчетно старался сократить до возможного минимума число знавших о его давнем поражении. Именно по этой причине он до сих пор не выкинул лентя Жеку на улицу, хотя давно мог нанять на его место парочку расторопных молодых сотрудников. Внезапно он сообразил, что Жека и начальник лаборатории обсуждают что-то отличное от институтской рутины:

– ... да соберемся часиков в пять, помянем. Что за паршивая жизнь, а? И пожить толком не успел, и с работой не сложилось. А голова была – огого.

Маэстро напрягся, пытаясь понять, о ком идет речь. В этот момент дверь приоткрылась, из приемной высунулась голова Василича:

– Там эта, Дмитрий Аристархович... собрались все уже.

Волна злости поднялась и тут же погасла. Дела прежде

всего.

– ... у меня еще пара стендов, что Игорь собирал, до сих пор пашут, как часы! Светлая была голова, никакой задачи не боялся... – Вениамин Исаакович, скорбно тряся бородкой, прошел в зал для совещаний. – И пятидесяти еще не стукнуло, вот ведь напасть. И дело свое бросил тогда, не довел. Глядишь, мы бы сейчас на коврах-самолетах уже летали. Или мысли могли читать.

Маэстро открыл было рот, но передумал.

Игорь Руничев умер и унес тайну, которую так мечтал отыскать Коленька, с собой в могилу. Маэстро прислушался к себе и не нашел в этой новости ничего утешительного.

Глава 12. Инженерный замок

Калидас торопливо пересек набережную Мойки, поминутно оглядываясь. Подсветка в центре города работала исправно, но архивариус все равно чувствовал себя неуютно. Он знал, что даже фобия такая есть – боязнь темноты, но в собственной комнате отсутствие света его совершенно не волновало. А вот в чужом, хоть и исхоженном вдоль и поперек районе города она всегда накатывала и каждый раз неожиданно. Калидас в два шага проскочил пост охраны у Нижнего Лебяжьего моста, по привычке запорошив глаза и без того сонному полицейскому.

Он обогнул замок с востока, но к центральному входу не пошел. Там, конечно же, заперто в такой поздний час, и это правильно. Кому надо – тот войдет без лишнего шума и суеты. Входов, в том числе подземных и тайных, в Инженерном замке императора Павла хватало с избытком!

Для старомодного архивариуса, хоть и не замеченного в поклонении царской фамилии, Михайловский замок всегда принадлежал только одному человеку. Не потому, что император в нем жил – и умер – только один, а потому что этот самый император в буквальном смысле вложил в замок душу. Сложную душу и подчас весьма несговорчивую.

Калидас поднялся по ступеням в небольшую пристройку, где дверь запиралась снаружи на изящный, но совершенно

беспольный замок. Впрочем, нежеланных визитеров отпугивала уже сама дверь – тяжелая, старая, с проржавевшими петлями. Любой воришка побрезгует таким входом, ну а туристы на задворки не попадали вовсе, об этом заботились охранники, регулярно перегораживая лентами и решетками какую-нибудь сторону замка. Калидаса решетки не смущали, а дверь, если как следует попросить, открывалась совершенно бесшумно.

Напоследок обернувшись, он скользнул внутрь через небольшую щель – большего и не требовалось. Чувство страха немедленно исчезло, стоило оказаться между старых, изъеденных трещинами стен. Двигаться дальше в непроглядной темноте архивариус не рискнул. Чтобы не щелкать пальцами через каждый шаг, Калидас порылся в складках длинного плаща и вытащил свечу, которая вспыхнула, стоило ему провести над ней ладонью. Хорошо, когда простые хасты удаются с первого раза. Он усмехнулся собственной глупой мысли и двинулся по коридору мимо комнат, занятых под склад ненужного барахла. Некоторые и вовсе стояли заколоченные. У замка императора Павла была не такая уж плохая администрация, но то ли они не умели выбить денег, то ли плохо расходовали те, что получали с туристов. Кроме парадных зал и пары временных выставок, замок стоял не при делах, и Калидас каждый раз раздражался, видя бывшее великолепие в таком упадке. Ему хотелось блеска – начищенные воском полы, мерцание тысячи свечей в огромной люст-

ре, шуршащие бальные платья, оркестр, робкий шепот влюбленных в темных углах и громогласный бас какого-нибудь отставного генерала. Калидас давал волю воображению, перемещаясь во времена, которых на самом деле Инженерный замок никогда не знал.

Павел прожил в нем только сорок дней.

Черных лестниц в замке было много, и Калидас выбрал ту, что вела в тронный зал императрицы. Ему нравились выполненные в виде арок проходы, которые вели к полукруглой нише, а также ровное, идеально выверенное сочетание белого и красного, который в мерцании свечи отливал благородным, истинно царственным багрянцем. Перед встречей надо было подготовиться – хотя страх темноты улетучился, а свеча горела ровно, он все равно старался держаться подальше от окон. Ему чудились шорохи, которые на поверку оказывались всего лишь сквозняком или играми привидений. В замке было целых пять тронных залов, и Калидас никогда еще не встречал императора в других, кроме двух его собственных. А, может, правду говорят, что Александр знал о заговоре и все одобрил? Впрочем, Калидас давно усвоил правило – быть призраком и знать правду совсем не одно и то же. Он выскользнул из приемной императрицы и поспешил миновать огромный и пустой Столовый зал. Хоть бы стол поставили, раз уж оставили прежнее название.

Калидас еще раз напомнил себе, что затеял прогулку до Замка не потому, что не услышал от Глостера ответов.

Мастеру было не до него, к этому архивариус давно привык. Тени прошлого служили неплохими оракулами – во всяком случае получше обычных шарлатанов и гадалок, обводивших простаков вокруг пальца. Калидас поморщился – в Артели не терпели самозванцев, дуривших народ и зашибавших кругленькие суммы гаданием на картах, хрустальными шарами, чтением ладоней и прочими сомнительными средствами. Доступ к истинной магической силе давали только правильно выполненные хасты – сложенные особым образом пальцы и движения рук. Остальное было от лукавого.

Калидас растерянно миновал очередные покои.

В Георгиевском зале – последнем перед Круглым тронным – ему как-то привиделся призрак графа Литты, по неизвестной причине предлагавший Калидасу вступить в орден Госпитальеров и получить указания, где зарыт тайный клад. Как призрак графа вообще заблудился в замке, Калидас понятия не имел и твердо предложил вельможе вывести его отсюда, но граф переполошился и умчался сквозь стену, поминая нехорошими словами и Павла, и почему-то свою прекрасную жену Екатерину Скавронскую. Калидас запоздало вспомнил, что забыл спросить, действительно ли у графа был роман с собственной падчерицей.

– Старый слепой дурак... – прошелестел голос где-то совсем рядом.

Калидас вздрогнул. В Инженерном замке – как и в любом старом доме – в избытке водились обычные бессловес-

ные привидения, но постоянный призрак обитал всего один, и все о нем знали. Не в обычаях Императора было сыпать оскорблениями за спиной.

– Слепой дурак, не видящий дальше собственного носа... – снова прошептали где-то совсем рядом.

Калидас нахмурился и помотал свечой в разные стороны. Обычно это простое движение прогоняло морок, если кто-то вздумал бы его навести. Пальцы сами собой сложились в защитную хасту, но с годами левую руку то и дело сводило судорогой.

Калидас и сам уже не помнил, сколько книг и свитков перечитал на тему главной «Ахиллесовой пяты» чудотворцев, даже сам по молодости считал, что стремительное развитие технологий должно принести свои плоды. Однако годы шли, а пальцы так и не становились быстрее, сложные движения по-прежнему давались с трудом, а защемления нервов случались все чаще.

У всего была своя цена.

– Эй! – окликнул архивариус. – Кто-нибудь слышит меня?

Нехорошо, конечно, так орать при работающей сигнализации и видеокамерах по углам. Простая хаста, придуманная, кстати, его предшественником в Артели для самых обычных пленочных фотоаппаратов, до сих пор прекрасно работала, стирая изображение и звук даже с цифровых носителей. Встречи лицом к лицу с кем-нибудь живым Калидас опасался меньше всего.

Какого черта кто-то обзывает его дураком и боится показаться, Нострадамуса им поперек глотки! Калидас еще раз помахал свечой, но никого не увидел. Настроение испортилось окончательно, и архивариус решил пройти через Круглый Тронный побыстрее, а там спуститься к другому выходу. Не сложилась встреча – значит, не сложилась, и нечего тут убиваться. Захоти Император поболтать, давно бы явился.

Легкий порыв ветра и едва заметное глазу движение портьеры привлекли его внимание.

– Тоже поглумиться пришел? – на пороге тронного зала маячила низенькая хмурая фигура императора Павла в неизменной треуголке.

Калидас пожал плечами и отвесил легкий поклон.

– Если у вас, Ваше величество, очередной период депрессии, извините покорно вашего нерадивого слугу. Хотел посоветоваться, без вашей мудрости порой тяжело. Но не стану тревожить по пустякам...

– Что вам живым, до нас, жителей той стороны? – император поплыл к окну и принял еще более трагическую позу. – Вам нет дела до тех, кто ушел раньше срока.

Калидас вздохнул. Чтобы выслушать обычные причитания Павла, без которых не проходила ни одна беседа, требовалось не так уж много терпения. Но сегодня ему уже хватило.

– Кто новый магистр ордена де Бирса? – брякнул он в лоб, не уверенный, что император вообще его услышит.

– Опять дворовые сплетни? – уточнил Павел, поправляя треуголку и заинтересованно косясь в его сторону. – Все ставишь карету впереди лошади?

– Да уж скажете! – с досадой выпалил Калидас, намереваясь уйти. – Не знаете, так не морочьте голову. И без вас этим куча народу занимается. Людей похищают среди бела дня, недавно, вон, мертвым одного нашли. Полиция с ног сбилась, а результата нет. Хотите – чутьем называйте, хотите еще как. Но некроманты вернулись, а значит – у них новый магистр. Поэтому и жертвы.

Он вспомнил девяностые – последнюю вспышку яростной деятельности ордена. Тогдашние некроманты не заморачивались с похищениями – проводили свои ритуалы прямо на месте, не церемонились. Времена были голодные, без работы осталось огромное количество людей – а потому и в жертвах, и в адептах недостатка не было. Не проходило и недели, чтобы на берегу Обводного или под каким-нибудь мостом не находили свежее капище и обугленные кости. Чем страшнее магия – тем выше цена. Магия смерти доступна любому – если тот осмелится переступить черту.

К тому, что император отнесется к новости с равнодушием, Калидас готовился – но, очевидно, не сильно преуспел. Он открыл было рот, чтобы еще раз воззвать к призраку, но вспомнил, что совести у того не было по вполне очевидным причинам.

Павел проплыл мимо него с насупленным видом и прежде

чем пройти сквозь стену, мягко заметил:

– Я бы на твоём месте волновался о более насущном. Предатели всегда найдутся. Ты подумай, старик, подумай – все ли у тебя под носом так, как тебе кажется? Самые страшные замыслы рождаются из самых хороших побуждений. Прощай.

Растерянный Калидас торопливо спустился на первый этаж, безуспешно отгоняя гнилостный запах и дурные предчувствия.

Глава 13. Ключ от мансарды

Лара в отчаянии дергала на себя ручку, которая и без того держалась скорее на честном слове. Крот попытался еще раз ударить в дверь плечом, потом оставил попытки и метнулся к балкону.

– Куда ты? Только не...

– Впервые жалею, что я не руфер, – пробормотал парень, притормаживая у балконной двери. – Даже не уверен, что на него вообще можно попасть.

Лара осторожно подошла к нему, гадая, выдержат ли пыльные доски выдержат ее вес, или провалятся, утащив в бездну. Окна мансарды выходили на Гороховую. Лучше бы она осталась внизу, тем более...

– Смотри, снова он! – Крот дернул ее за рукав так, что Лара оступилась на узкой доске и едва не упала вниз. По улице, двигаясь в сторону Александровского сада, шел мужчина в легком развевающемся плаще и широкополой шляпе. – Не похож на сотрудника посольства, да и на полицейского не тянет. А разговаривал так, словно большая шишка.

Странный субъект действительно двигался быстро, сунув руки в карманы, и ни разу не оглянулся на здание.

– Ты тоже думаешь, что это он нас запер?

– Уверен, – мрачно ответил парень и вернулся к двери. – В сети должно быть пособие, как открыть такой замок с по-

мощью отмычки.

– А у тебя есть отмычка? – приободрилась Лара.

Крот пожал плечами и выразительно оглянулся. Она совершенно не разделяла его оптимизма – куча строительного хлама совершенно необязательно таила в себе что-то полезное. Парень уселся прямо на пол, снял очки и несколько раз нажал пальцем на дужку. По стеклам побежали строчки.

– Что это? Странные очки...

– А с какой стати я бы носил обычные? – презрительно буркнул Крот, водя пальцем по стеклам, словно по экрану. – Я не слепой.

Он направил очки прямо на дверь и нажал в другом месте. Раздался едва слышимый клик, словно щелкнул затвор невидимого фотоаппарата.

– Отправлю приятелям, – пояснил он, видя Ларино недоумение. – Вместе быстрее найдем. Сейчас загружу сеть...

– Твои очки могут выходить в сеть?

Теперь уже он посмотрел на нее с легким недоумением.

– Ты никогда не слышала про Гугл Глас?

Лара помотала головой, внезапно чувствуя себя очень старой. Крот снисходительно пояснил:

– Это очки, которые могут фотографировать, искать в интернете, да много чего могут. На самом деле Гугл-Глас – это лишь вторая версия, полное говно. Эти – уже новое поколение, пока не для открытой продажи. Мы возились с ними кучу времени, прежде чем получилась нормальная вещь. Даже

стекла пришлось заменить.

Он заметил, что Лара слушает вполуха и оборвал лекцию.

– Да, они умеют выходить в сеть.

– А почему мы просто не позвоним в службу спасения? – она вытащила телефон из сумочки. – Или они обязательно расскажут полиции? Но ведь мы ничего не сделали, только поднялись по лестнице?

– И сныкались от копов, – возразил Крот. – И через стенку посольство. Что полиция подумает, а?

– Тогда я согласна на балкон! – выпалила Лара. – Я не хочу сидеть тут, словно... словно в плохом ужастике!

– Ты что, боишься? – Крот посмотрел на нее с едва заметным презрением. – Ну посидим немного, ребята скоро напишут, как разобраться с этой штукой. Ну или если не получится, начнем сверху охраннику в будке кричать.

Лара едва не шагнула к окну, чтобы начать кричать немедленно.

– Но в таком случае это минимум арест, думаю – меланхолично заметил Крот. – Мы же вроде нелегально перешли границу дружественного государства, почти.

Арест? Лара отшатнулась от окна к перегородке. Томагавк ее в жизни на порог школы не пустит после такого.

Нетерпеливо выхаживая из угла в угол, она с завистью косилась на Крота, который все так же сидел, надев обратно очки, и ждал.

Когда-то в мансарде было райское местечко. Если вы-

сунуться, с балкона виднелся шпиль Адмиралтейства. Лара расстелила пару бумажных платков и аккуратно уселась на кучу хлама, увенчанную двумя досками. В ее воображении у окна появился патефон и что-то проникновенно пел Вергинский, в комнату, весьма скромную по размеру, уместилась софа в турецком стиле, с небрежно брошенным шелковым халатом и тапочками с загнутыми носами. На балконе – никаких гнилых досок, только натертые воском половицы – стояло глубокое кресло, в которое можно забраться с ногами и курить тонкую дамскую сигару с длинным черным мундштуком. На полу лежал широкий персидский ковер, по которому мягкими лапами неслышно передвигался огромный пушистый котяра...

– Вот хрен! – тихо выругался Крот, вставая на ноги и снимая очки. – Коммандос пишут, это будет не так-то легко.

– Почему?

– Потому что они не смогли найти даже тип этого замка. Те, что похожи, не должны запираются совсем.

– Но ведь нас заперли! – Лара разозлилась. – А мы не слышали ни звука!

Парень кивнул, сосредоточенно водя пальцем по стеклам.

– Прислали пару фотографий универсальных отмычек. Должны открыть все что угодно. У тебя шпилька есть? Или скрепка?

Лара хмыкнула, пальцем показывая на стянутые в простой хвост волосы. Откуда у нее шпильки? Не свадьба все-таки.

Крот сосредоточенно рылся в рюкзаке. Скрепку он все-таки отыскал, разогнул и начал ковыряться в замке, то и дело сверяясь с инструкцией в очках.

– Зачем тебе очки, если можно купить простой планшет?

– Зачем мне простой планшет, который при желании всегда могут отобрать? – возразил Крот. – Очки выглядят безобидно. Удобно и не вызывает подозрений.

– У кого?

– У всех.

Он пожал плечами и продолжил возиться с замком.

– Взломщиком не становятся, прочтя пару статей в Википедии.

Пожалуй, это прозвучало резче, чем Ларе того хотелось. Но она не могла сдерживать досаду – не на Крота, а в первую очередь на саму себя, влипнувшую так по-дурацки. В полицию не позвонишь, знакомым тоже. Маме? Эта мысль вызвала только дрожь. Она должна что-то сделать, из них двоих она – взрослая, а вместо этого решения принимает странный парень, который уверен, что ничего сверхъестественного не существует, а взламывать замки можно и по инструкции.

– Хочешь сама попробовать? – огрызнулся Крот не поворачиваясь. – Маникюр испортишь, смотри.

– Со взрослыми так не разговаривают!

– Это ты так решила?

Отлично. Лара надулась и села обратно на вытертое место.

Сопляк, недомерок, она в школе таких...

В школу она не вернется, если этот сопляк не взломает дверь. Лара засунула гордость куда подальше и промолчала, сделав вид, что копается в сумочке.

Хотя что такого могло ей понадобиться прямо сейчас?

Наконец, она достала записную книжку и ручку. Можно попробовать...

Мансарда снова наполнилась звуками патефона и мягким баритоном Вергинского. Игла с легким шипением скользила по пластинке, с каждым оборотом приближаясь к центру. За окном шумела гроза, но сквозь облака уже просвечивало настойчивое июньское солнце.

– Тебе следовало предупредить о визите, – прошипел кот Огюстен, легко царапая коготками поверхность дорогого ковра. – Ты же знаешь, я метеозависим.

– Ты зависишь только от собственной лени и желудка, приятель, – на перилах балкона, важно покачиваясь при каждом шаге, расхаживал огромный черный грач. – Благодаря первому я до сих пор жив вопреки второму.

– Ты скоро догонишь меня своими философствованиями, – Огюстен мурлыкнул и прыгнул на софу.

– Дурное дело нехитрое, – грач лукаво прищурился. – Как поживает твоя хозяйка, прекрасная мадемуазель Лулу?

Огюстен зашипел, топорица усы и оскалившись. Грач от неожиданности вспорхнул с балкона и сделал небольшой тур над крышей, после чего осторожно вернулся на прежнее

место, убедившись, что приятель успокоился.

– Теперь она уже не мадемуазель, – вылизывая переднюю лапу пробурчал Огюстен. – Теперь говорят «гражданка». Или «товарищ». Ну как можно называть женщину товарищем? Не говоря уже об известном оксюмороне, который тут совершенно неуместен, это как минимум грубо.

Он принялся за вторую лапу.

– Ну и она теперь не Лулу, в довершение всех бед. Товарищ Пономарева, не больше – не меньше. Каково, а?

Грач чихнул, прикрываясь крылом, но кот все равно слышал едва заметный смешок, который тот пытался скрыть.

– Смейся, смейся. Ждем выселения со дня на день. Слишком шикарные апартаменты, знаешь ли. А старухи напротив, – кот прошипел что-то совершенно нецензурное, – а старухи, между прочим, раздувают слухи.

– Ты про крышу?

– Да нет, это старая песня, – отмахнулся кот. – Исполняет желания, все такое. Думаю, еще лет пятьдесят о ней никто и не вспомнит. Удачная байка, но прожила недолго.

– Тогда о чем они могут говорить? – недоумевал грач.

– О сокровищах, разумеется. О царских сокровищах. Видишь ли, мы тут в двух шагах от дворца, если ты заметил пролетая. И страховое общество, что под нами, прямо скажем, не бедствовало десять лет, нет-с.

Когда Огюстен злился, он начинал говорить, словно при-

дворные, которые в свое время весьма активно навещали мадемуазель Лулу по делам, несомненно, государственной важности.

– Они надеются, что чекисты придут ломать стены?

Кот снова зашипел.

– Тише ты, не каркай! Чекисты если приходят, то сами не уходят – слышал поговорку? Накличешь сейчас! Но могут и не чекисты, оборванцев много шастает. Поэтому, мой друг, – Огюстен сделал выразительную паузу, – я и обратился к тебе с той маленькой просьбой.

– Маленькой? – грач возмущенно махнул крыльями. – Сам просишь почти невозможного, а после этого называешь вороной! Я тебе не подвальная крыса, Огюстен!

Кот лениво спрыгнул с дивана и прошелся вдоль балконной двери, топорща усы и выгибая спину. Наконец, демонстрация величия ему наскучила.

– Я никогда не называл тебя крысой, приятель. Так ты смог разузнать о ключе?

Настал черед грача торжествовать. Он снова сделал круг, на этот раз до дома напротив и обратно. Старух он не увидел, поэтому на бреющем полете вернулся на балкон к нетерпеливо водившему хвостом по полу Огюсту.

– Я сделал кое-что получше, приятель. Но ты задолжал мне объяснение.

Левой лапой грач придерживал тоненький инурок, на котором болтался тяжелый ключ с красивой резной головкой.

Огюстен подпрыгнул.

– Мяс! Скорее, давай его сюда.

Грач легко вспорхнул с балконной решетки.

– Э, нет, приятель. Сначала объяснения. Если не сокровища, то что? Зачем тебе и твоей хозяйке так нужно запереть эту комнатушку? Чтобы патефон не украли? Я же вижу, она собралась дать деру. Вон, за ширмой, чемоданчик виднеется. А ты как же, бедняжка? Не в подвал же к крысам? Возьмет с собой бедолагу, не иначе. Хотя породистый кот в багаже – это улика, понимаешь ли. Может выдать, побирушкой уже не прикинешься.

Огюстен только скалил зубы и шипел.

– Давай выкладывай, – подначивал грач, с каждым кругом забираясь все дальше от балкона. – Что такого секретного в этой мансарде? Вы уже не вернетесь сюда.

– Чекистам недолго осталось, – проворчал Огюстен.

– Даже если так, – покачал крыльями грач. – Даже если так, мой пушистый друг. Тебе этой каморки уже не видать. Давай облегчи душу. Чекистам я тебя не сдам, толку мне с них?

Кот немигающим взглядом следил за ключом. Потом широко зевнул, продемонстрировав длинный розовый язык, и облизнулся.

– Изволь, – промурлыкал он, прыгая обратно на софу. – Только на улицу я кричать не буду и не проси.

Грач спикировал на спинку кресла, стоявшего на балко-

не. Огюстен свернулся калачиком прямо на шелковом халате и начал рассказ:

– Этот ключ никто никогда не должен найти, мой друг. Мы запрем эту мансарду и увезем его с собой в Европу. Так надо, потому что так велит здравый смысл и банальная предосторожность.

– Вы не хотите передать его кому-то? – непонимающе моргнул грач.

– Конечно же, нет! – Огюстен возмущенно выпустил когти и тут же спрятал. – Тайна этой мансарды должна быть похоронена вместе с нами.

– С на... – начал было грач, но договорить не успел.

Белый пушистый ком в один прыжок преодолел расстояние, разделявшее софу и кресло. Огюстен давно натренировал это движение – Лулу хохотала, как безумная, когда он приземлялся на шею очередному поклоннику, вышедшему на балкон выпить чашечку кофе.

Ключ на шнурке приземлился на обитый железом порог балкона и со звоном отскочил вглубь комнаты

...прямо в руки Ларе. Она ахнула, немедленно накрыв его записной книжкой.

Крот, уставший возиться с дверью, сидел у порога, бездумно дергая молнию на рюкзаке. Ее испуг заставил его поднять голову.

Лара выдернула исписанные листы и разорвала на мелкие кусочки, но ключ, крепко зажатый в ладони, никуда не ис-

чез. Этого не могло быть на самом деле! Нельзя вот так взять и заставить вещь появиться из ниоткуда! Портал в прошлое? Она чуть не засмеялась в голос. Да ведь не было никогда мадемуазель Лулу, и кота не было, и грача. Она их только что выдумала, очередная версия сказки о Колобке, ничего другого. Но ключ был у нее в руке, и если она придумала, что он должен подходить к замку...

– Попробуй вот это, – она протянула парню находку. – Может, подойдет.

Крот вытаращился на нее, подскочил и буквально вырвал ключ из руки.

– Откуда это? Как? – он пробормотал что-то себе под нос и кинулся к двери.

Разумеется, ключ подошел. Крот развернулся и непонимающе уставился на нее.

– Нашла в куче мусора, – Лара постаралась, чтобы ее голос звучал как можно естественнее. – Просто водила рукой от скуки. Мы идем или как?

Они торопливо сбежали по лестнице, на этот раз не задерживаясь, чтобы разглядеть лепнину или потолки. Спускаясь следом за Кротом, Лара снова и снова пыталась придумать разумное объяснение. Может быть, она на самом деле задела какую-то доску ногой, а там оказался ключ? Или...

Но ведь он упал ей прямо в ладонь, сверху. Не с потолка же? Так не бывает. Будь желания материальны... она ведь хотела, чтобы дверь открылась. И чтобы они выбрались

из ловушки. Но ничего не произошло, пока...

Ничего не произошло, пока она не села писать очередную дурацкую сказку! Что же с ней такое?! К горлу подступил ком, но они уже выбрались на улицу, и Лара торопливо смахнула подступившие слезы. Все-таки взрослая из них двоих она, а значит плакать неуместно. Пусть все, что случилось, будет последним плохим событием на сегодня.

В сумочке настойчиво завибрировал телефон.

Глава 14. В розыске

– Лариса! – в трубку ворвался встревоженный голос Ксении Николаевны. – Ларисочка, ты где? На работе? С тобой все в порядке?

Крот, который волей-неволей слышал каждое слово, сочувственно пожал плечами.

– Я в центре, мам, – устало бросила Лара прежде, чем сообщила, что делать этого точно не стоило.

И как объяснить, почему она в рабочее время слоняется по центру? Сказать правду – получить часовую лекцию о собственной никчемности, соврать – вынудить себя держать в памяти еще одну ложь.

– Чего звонить, если все в порядке?

– Все в порядке? – чуть не взвизгнула Ксения Николаевна. – Это ты называешь все в порядке?

– Тебе что, Максим звонил? – догадалась Лара. – Участковый который?

– Звонил! – яростно подтвердила мать. – Звонил. А теперь изволь объяснить, что происходит? Ты хоть понимаешь, чем это может кончиться?

Лара прислонилась к стене дома, подозревая, что разговор затянется надолго. Мимо скользили туристы, ветер разогнал облака, и теперь весеннее солнце нещадно припекало голову. Охранник в будке у посольства недружелюбно косился в их

сторону, но Лара ненавидела разговаривать по мобильнику на ходу – шум улицы поглощал большую часть сказанного.

– Это кончится установкой новых замков, мам. Вот и все. Не я первая, не я последняя.

– Какие замки, полоумная? Ты что, совсем перестала в эту реальность возвращаться? – бушевала Ксения Николаевна. – Они же тебя в тюрьму упекут, дуреха!

Лара ойкнула и едва не выронила телефон. Неужели в России сажают за то, что твою квартиру ограбили? Не стоило вчера уезжать, надо было дождаться участкового. Это теперь «сокрытие с места преступления» называется, что ли?

– Мама, я ничего не понимаю. Я просто не хотела там ночевать, замки и все такое...

– Какие замки, ты, вообще, о чем?

Лара ощутила, как по спине ползет очень нехороший холодок. Крот, заметив выражение ее лица, подошел ближе и прислушался.

– Мою квартиру ограбили. Вчера вечером, – медленно пояснила Лара. – Разве Максим не поэтому тебе звонил?

Теперь настал черед Ксении Николаевны молчать. Молчала она долго, потом тоже медленно рассказала свою часть:

– Нет, Лариса, он звонил не поэтому. А потому что хорошо к тебе относится, но ты не брала трубку дома. Ты только не волнуйся, хорошо?

Легче сказать, чем сделать.

– Кто-то подал заявление. О том, что Колька пропал и что

ты можешь быть к этому причастна. Слышишь? Снова решили, что это не он сам деру дал, а кто-то ему помог. Думают, это ты.

– Но... – только и смогла пролепетать Лара. – Но ведь он же бумаги прислал! На развод.

– Ну что ты мне объясняешь? В суде придется говорить.

– Как в суде?!

– Максим сказал, давят сверху на оперов. Чтобы дело двигалось. Ты это, домой не суйся пока, – Ксения Николаевна помедлила. – И ко мне тоже, Максим сказал, что могут и сюда повестку принести. А пока повестка не вручена – на допрос ты не попадешь. Поняла? Ты где ночевала-то?

– У знакомых, – голос матери доносился откуда-то изда- лека.

Лара не сразу заметила, что держит трубку у самого подбородка, едва не роняя на землю. Кто-то снова разыскивает Николая. Кто-то думает, это она причастна к его исчезновению.

Если ее вызовут в суд... если...

Томагавк не потерпит, чтобы в школе преподавала учительница под следствием. Ей нужен малейший повод, чтобы выкинуть ее на улицу – а теперь дисциплинарную комиссию можно даже не собирать. Лара вернула мобильник к уху:

– Я позвоню, мам. Спасибо. Домой не приду, смени там замки, если сможешь. Еще позвоню.

Требовалось время, чтобы все обдумать. Колени подка-

шивались, руки несмотря на теплую погоду покрылись мурашками. Она поежилась и растерянно оглянулась – казалось, каждый встречный знал о том, что ее разыскивает полиция. Охранник вышел из будки и сделал несколько шагов в их сторону.

Лара быстро отвернулась и едва не столкнулась лбом с Кротом, который смотрел на нее в упор через темные стекла своих очков.

– Можешь переночевать у нас, – наконец, кивнул он. – Ты же слышала, ба сказала, они едут на дачу.

Лара чуть не бросилась ему на шею, но сдержалась.

– Спасибо, Кирилл, я...

– Поесть бы, – парень не дослушал поток ее благодарности и кивнул в сторонупельменной в самом начале Гороховой. – Вон там прикольно кормят.

Пельмени? Лара покорно кивнула – меньше всего ей хотелось думать о полезной и вредной пище. В тюремное меню пельмени точно не входили.

Когда им принесли заказ, аромат вызвал слюнотечение. Крот не соврал – в пустойпельменной, заполненной полумраком, деревянными резными столиками и украшениями вроде связок чеснока кормили очень вкусно и дешево, особенно в сравнении с пафосными ресторанами по соседству. Лара едва не поддалась искушению заказать еще порцию, но вовремя одумалась и вместо этого взяла чай.

– Все еще хочешь найти этого... бывшего? – внезапно

спросил Крот. – Наверняка он сам это заявление и накатал.

– Глупость какая-то! – растерявшись, возмутилась Лара. – Он же не мог писать заявление о пропаже себя.

– Через подставное лицо, – пожал плечами пареньь.

– Но зачем?

– А зачем все остальное? Еще скажи, это просто совпадение. Сначала тебя грабят, потом это заявление... Спецслужбы так топорно не работают, можешь поверить. Они бы тебя давно по мобильнику вычислили, еще вчера.

– Правда? – Лара заморгала.

– Угу, – Крот наворачивал уже вторую порцию вареников с грибами. – Вот я и спрашиваю – все еще будешь искать его?

Лара понуро кивнула головой, не чувствуя прежней уверенности. Она плохо представляла, как можно искать кого-либо, когда тебя саму разыскивают органы.

– И, кстати, на работе тебя будут искать в первую очередь. Придется соврать, что заболела.

Лара смотрела на парня во все глаза. Крот ни на минуту не подумал, что можно добровольно прийти в отделение и все рассказать. Для него тот факт, что Лара теперь в бегах, казался единственным вариантом развития событий.

– Я в отпуске, в некотором смысле, – приукрасила она действительность. – И, знаешь, я думаю, тебе стоит поехать домой.

Громкое чавканье прекратилось. Крот оторвался от пельменей и бросил на нее короткий обиженный взгляд.

– Ты мне не доверяешь?

– Тебе? Доверяю? – Лара заморгала от изумления. – Ты несовершеннолетний, я не могу тебя втягивать. Кирилл, ты очень помог, но мне надо выяснить, что происходит. И про заявление, и про грабителей.

– Я с тобой.

– Но...

– Телефон больше не пингуется. Это тупик. Ты уже придумала, что делать дальше?

Лара только сейчас сообразила, что Крот расстроен неудачей с телефоном Николая. Он считал, что это «левое дело», гордился тем, что «хакнул» базу сотового оператора, – а оказалось, что это пустышка.

– Ты не должен мне ничего доказывать, – тихо возразила она. – В жизни не всегда получается так, как мы планируем.

– Вот только жизни меня чур не учить, договорились? – огрызнулся Крот и одним залпом осушил стакан морса. – Ты училка и привыкла капать на мозги, но я уже свое отучился. Сказал – помогу, значит помогу. Так какой план?

Лара молча проглотила обиду. «Училка», надо же.

– Я не знаю, что можно сделать, – пробормотала она, отодвигая тарелку. – От меня все равно ничего не зависит, понимаешь?

Может быть, рассказать ему про сказки? Про то, как накалывает беспомощность, мозг выключается, а рука начинает выводить каракули, которые неведомым образом прораста-

ют в реальность. И про то, как это на самом деле страшно – терять над собой контроль.

Крот несколько секунд обдумывал услышанное, потом кивнул.

– Окей, у тебя нет плана. Надо поискать среди его вещей. У тебя что-нибудь осталось? Хотя как до них добраться, если с хатой ты уже запалилась?

Лара в очередной раз ощутила себя полной идиоткой.

– Я вчера вынесла все на помойку, – прошептала она еле слышно, уже не сдерживая слезы. – Я думала, все кончено. Новая жизнь, все заново. Я собиралась... давно собиралась, и вчера вынесла все-таки эту коробку.

– Понятно, почему ворюги ничего не нашли, – прищелкнул пальцами Крот, не обращая внимания на слезы. – Сегодня четверг. Если мусор еще не вывезли, можем проверить, есть ли коробка. Но домой не заходить, твоя мамаша права – там тебя точно повестка ждет. И не в ящике, а прямо под дверью, они так делают иногда.

– Ты правда... – Лара высморкалась и кое-как взяла себя в руки. – Правда, поедешь со мной? Почему? Тебе же есть чем заняться, ты...

Она не знала, как это выразить.

– Ты думаешь, я в тебя втюрился? – Крот презрительно фыркнул. – Не, держи карман шире.

Лара удивилась, насколько необходимо это прозвучало. Хотя как ему такое вообще пришло в голову?

В этот момент ее осенило.

– Надо поехать к Дмитрию Аристарховичу! Он знает про Николая все, он скажет, кто это может быть. Ну, если...

– Кто этот Аристархович? – нахмурился Крот.

Официантка принесла счет, который Лара оплатила остатками наличных. «Не светить кредитку» – вспомнилась расхожая фраза из американских сериалов. Здоровый скепсис подсказывал, что ради повестки ни один полицейский не станет отслеживать ее кредитку, – но ей еще никогда не было так страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.